

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ. 1887.

№ 8. ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ. 15 Апрѣля.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Преосвященному **Мемнону**, Епископу Елисаветградскому, викарію Херсонской епархіи.

Въ изъявленіе Монаршаго вниманія къ достойному служенію вашему и отлично усердному исполненію возложенныхъ на васъ обязанностей, по засвидѣтельствованію о семъ Архіепископа Херсонскаго, Всемилоствѣйше сопричислили Мы васъ къ **Императорскому** ордену Нашему *святыхъ Анны первой степени*, знаки коего, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ **Императорскою** милостію нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною **Его Императорскаго Величества** рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, 5 го апрѣля, викарій Херсонской епархіи—Епископъ новомиргородскій *Іустинъ*,

во вниманіе къ отлично-усердному служенію, Всемилюстивѣйше сопричисленъ къ ордену св. *Владимира 3-й ст.*

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 10—17 марта 1887 года за № 431, о награжденіи духовныхъ лицъ за заслуги по духовному вѣдомству Херсонской епархіи.

Въ спискѣ лицъ духовнаго званія, кои, за службу по духовному вѣдомству, награждаются Святѣйшимъ Синодомъ ко дню св. Пасхи въ 1887 году, значатся награжденными слѣдующія лица Херсонской епархіи:

а) *Саиомъ протоіерей*: г. Одессы, кафедральнаго Преображенскаго собора, священникъ Евлампій *Арнольдвз*; г. Николаева, Николаевской греческой церкви, священникъ Іоаннъ *Воскресенскій*; Херсонскаго уѣзда, церкви села Александродара, священникъ Іоаннъ *Смирновз*, и Одесскаго уѣзда, церкви села Курисово-Покровскаго, священникъ Іоаннъ *Тинтуловз*.

б) *Наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*: Одесскаго Успенскаго монастыря, іеромонахъ *Леонтій*; законоучитель Одесскаго юнкерскаго училища, священникъ Михаилъ *Гастевз*; г. Одессы, Петропавловской церкви, священникъ Петръ *Архательскій*; Елисаветградскаго уѣзда, церкви села Базанки, священникъ Симеонъ *Сербинз* и Елисаветградскаго уѣзда, церкви мѣстечка Витязовки, священникъ Стефанъ *Козачинскій*.

в) *Камилавкою*—г. Одессы, греческой Троицкой церкви протоіерей Ангелъ *Лэфани*; Одесскаго уѣзда, церкви села

Коренихи, священникъ Григорій *Туровскій*; Херсонскаго уѣзда, церкви села Грушевки, священникъ Павелъ *Торскій*; Херсонскаго уѣзда, церкви села Новопокровскаго, священникъ Василій *Заводовскій*; Александрійскаго уѣзда, церкви села Стецовки, священникъ Іоаннъ *Горяновъ*; Александрійскаго уѣзда, церкви мѣстечка Братолюбовки, священникъ Григорій *Алексѣевъ*; Елисаветградскаго уѣзда, церкви села Александровки, священникъ Андрей *Левицкій*; Елисаветградскаго уѣзда, церкви села Бугскаго, священникъ Андрей *Пасхаловъ*, и Ананьевскаго уѣзда, церкви мѣстечка Ново-Павловки, священникъ Константинъ *Пантелеевъ*.

г) *Скуфьею*: законоучитель Новобугской учительской семинаріи, священникъ Павелъ *Колосовъ*; г. Николаева, Скорбященской церкви, священникъ Димитрій *Калинъ*; Одесскаго уѣзда, церкви мѣстечка Севериновки, священникъ Викторъ *Тимошенко*; Херсонскаго уѣзда, церкви посада Березнеговатаго, священникъ Петръ *Рыльскій*; Херсонскаго уѣзда, церкви села Марьянскаго, священникъ Онуфрій *Козакъ*; Херсонскаго уѣзда, церкви села Осооровки, священникъ Юліанъ *Корчилскій*; Елисаветградскаго уѣзда, церкви мѣстечка Злынки, священникъ Сергій *Коцюбинскій*; Ананьевскаго уѣзда, церкви села Ново-Александровки, священникъ Димитрій *Чекаловъ*; и Ананьевскаго уѣзда, церкв-села Николаевки, священникъ Николай *Мочульскій*.

д) *Благословіемъ Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленной грамоты*: г. Херсона, Свято-Духовской церкви, діаконовъ Арсеній *Грушецкій*; Херсонскаго уѣзда, церкви мѣстечка Нововоронцовки, діаконовъ Василій *Руденковъ*, и Херсонскаго уѣзда, церкви села Грушевки, діаконовъ Матѣей *Березовскій*.

е) *Благословеніємъ Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ:* законоучитель Одесскихъ городскихъ школъ, священникъ Григорій *Молдавскій*; Александрійскаго уѣзда, церкви села Буколовки, священникъ Александръ *Гришчевскій*; г. Николаева, пріютской Богородичной всѣхъ скорбящихъ радости церкви, священникъ Аѳанасій *Коваленко*; Елисаветградскаго уѣзда, церкви селенія Добрянки, священникъ Александръ *Шеларь*, и Александрійскаго уѣзда, церкви села Шамовки, священникъ Василій *Иващенко*.

(Церков. Вѣст. № 13—14.)

Отъ 24 февраля—14 марта 1887 г., за № 329, о мѣрахъ къ усиленію наблюденія за цѣлостію библиотекъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12 февраля сего года, за № 189, о мѣрахъ къ усиленію наблюденія за цѣлостію библиотекъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Справка: Относительно семинарскихъ библиотекъ и чтенія учениками книгъ Святѣйшимъ Синодомъ установлены слѣдующія правила: 1) при выборѣ въ составъ семинарской библиотечки свѣтскихъ періодическихъ изданій обращается особое вниманіе на ихъ направленіе (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 24 марта 1870 г.); 2) пріобрѣтаемыя въ семинарскую библиотечку книги должны быть сдаваемы изъ правленія библиотечкарю по реестрамъ или счетамъ книгопродавцевъ безъ записи ихъ въ какой-либо особый каталогъ при правленіи; инвентарь и періодическія изданія слѣдуетъ держать въ самой библиотечкѣ, а не въ учительской комнатѣ; выдача же и

обратный приемъ всѣхъ вообще книгъ должны происходить безпрепятственно въ опредѣленные часы и ежедневно (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 20 апрѣля—15 мая 1873 г.); 3) книги изъ фундаментальной библіотеки должны быть выдаваемы ученикамъ по возможности въ каждый день, въ опредѣленные часы. О книгахъ, потерянныхъ учениками, библіотекаръ обязанъ немедленно, по полученіи о томъ свѣдѣнія, доносить правленію для зависящихъ распоряженій о взысканіи. Цѣлость книгъ, взятыхъ изъ семинарской библіотеки наставниками и находящихся въ ихъ пользованіи, должна быть повѣряема при установленныхъ освидѣтельствующихъ наличности библіотеки (циркулярный указъ Святѣйшаго Синода 12 апрѣля 1874 г., № 19); 4) требуемая воспитанниками книги изъ фундаментальной семинарской библіотеки должны быть выдаваемы не иначе, какъ съ вѣдома и одобреія наставниковъ, къ предметамъ которыхъ книги сіи относятся (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 31 іюля—21 августа 1868 г.); 5) означенное одобреніе со стороны наставниковъ должно быть письменно сообщаемо ими библіотекарю семинаріи (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 24 марта 1870 г.); 6) книги выписываются вновь для ученическихъ библіотекъ семинаріи не иначе, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи оныхъ и по утвержденной начальствомъ и педагогическимъ собраніемъ рекомендаціи со стороны наставниковъ, каждаго по своему предмету, и вообще въ ученическія библіотеки не поступаютъ книги, содержаніе которыхъ неизвѣстно начальствующимъ лицамъ и наставникамъ (циркулярный указъ Святѣйшаго Синода отъ 14 сентября 1868 г., № 57); 7) въ составъ ученической библіотеки не допускаются журналы и газеты, чтеніе

которыхъ учениками можетъ быть съ большею пользою замѣнено чтеніемъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ учебному курсу (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 20 марта 1870 г.); 8) составленіе правилъ для ученической библіотеки не возлагается на выборныхъ изъ учениковъ, но относится къ обязанностямъ инспектора и его помощника, причемъ, подъ ихъ руководствомъ, обыденное наблюденіе за порядкомъ въ ней можетъ быть поручаемо и ученикамъ (опредѣленіе Святѣйшаго Синода 22 января—11 февраля 1871 г.). Изложенныя правила подтверждены циркулярнымъ указомъ отъ 18 апрѣля 1884 г., № 2. Приказали: Въ недавнее время въ одной изъ духовныхъ семинарій обнаружено расхищеніе книгъ, изъятыхъ изъ ученической библіотеки и переданныхъ на храненіе въ фундаментальную. Относя причину сего прискорбнаго явленія къ недостаточной бдительности семинарскаго начальства по завѣдыванію семинарскою библіотекою и къ неисполненію существующихъ на этотъ предметъ правилъ, Святѣйшій Синодъ, согласно настоящему предложенію, опредѣляетъ: 1) подтвердить правленіямъ духовныхъ семинарій о неуклонномъ соблюденіи данныхъ имъ въ руководство правилъ по завѣдыванію семинарскими библіотеками, предписавъ имъ: а) чтобы семинарскія библіотеки находились подъ самымъ бдительнымъ наблюденіемъ и охраненіемъ подлежащихъ лицъ, согласно требованіямъ §§ 43 и 69 семинарскаго устава; б) чтобы въ эти библіотеки не были произвольно допускаемы къ выдачѣ или приведенію въ порядокъ книгъ лица постороннія, ни преподаватели, ни тѣмъ болѣе воспитанники; в) чтобы книги изъ фундаментальныхъ библіотекъ не были выдаваемы воспитанникамъ безъ особыхъ письменныхъ разрѣшеній

преподавателей; г) чтобы самыя разрѣшенія преподавателей были контролируемы ректоромъ семинаріи; д) чтобы педагогическія собранія семинарскихъ правленій, по пункту 16 § 103 устава духовныхъ семинарій, озабочивались составленіемъ правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ библіотекъ и начальства семинарскія имѣли наблюденія за исполненіемъ сихъ правилъ, и е) чтобы распорядительныя собранія семинарскихъ правленій, на основаніи п. 13 § 104 уст. дух. сем., назначали не менѣе двухъ разъ въ годъ комиссіи для обревизованія библіотекъ и о результатахъ сихъ ревизій своевременно и обстоятельно доносили епархіальному преосвященному для зависящихъ съ его стороны распоряженій; 2) отвѣтственность за утрату книгъ въ фундаментальной семинарской библіотекѣ возложить на завѣдующаго библіотекою и членовъ семинарскаго правленія; о чемъ, къ неуклонному исполненію, объявить семинарскимъ правленіямъ, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ».

(Церк. Вѣст. № 13—14).

Отъ Правленія Одесской духовной семинаріи.

Объ одномъ изъ существенныхъ требованій отъ дѣтей, поступающихъ въ духовныя училища.

Правленіе Одесской духовной семинаріи, во исполненіе предложенія Его Высокопреосвященства, долгомъ почитаетъ довести до свѣдѣнія духовенства Херсонской епархіи, что оно обязано представлять дѣтей въ духовныя училища имѣющими твердый навыкъ къ церковному чтенію.

**Отъ Епархіального Училищнаго Совѣта, завѣдывающаго
церковно-приходскими школами.**

*По вопросу о временномъ закрытіи школъ въ случаѣ появ-
ленія эпидеміи.*

Предлагается завѣдующимъ церковно-приходскими шко-
лами и школами грамотности, въ случаѣ появленія эпиде-
міи, по личному или письменному заявленію мѣстнаго врача
о предстоящей опасности распространенія заразы среди дѣ-
тей, временно закрывать школы съ донесеніемъ объ этомъ
Епархіальному Училищному Совѣту.

Отъ Редакціи Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

*Извѣщеніе подписчиковъ о полученіи денегъ за изданіе Епар-
хіальныхъ Вѣдомостей текущаго года, поступившихъ съ
27 февраля.*

Отъ священника Таврич. епархіи Іоанна Диковскаго 5 р.,
отъ священника Самарской епархіи Іосифа Елеонскаго 5 р.,—
С.-Петербургскаго священника Соколова 5 р., отъ благочиннаго
Николаевскаго округа для настоятеля цер. села Константиновки
6 руб. 50 коп., отъ благочиннаго церковей Михайловскаго ок-
руга 130 руб., отъ благочиннаго церковей Александрійскаго ок-
руга 188 руб. 50 к., отъ священника Одесскаго коммерческаго
училища 6 р. 50 к., отъ священника Архангело-Михайловской
церкви на Молдаванкѣ въ Одессѣ В. Діаковского 6 руб. 50 к.,
отъ Одесскаго Успенскаго монастыря 6 р. 50 к., отъ священ.
г. Елисаветграда М. Паренова 6 р., отъ протоіеря Одесской
Петропавловской церкви Л. Кедрова 6 р. 50 к., отъ священника
Іоанно-Богословской церкви м. Ахмечетки 6 р. 50 к., отъ П. В.
Токарева (изъ Харькова) 5 р., отъ священника Василя Шве-
дова 6 р., отъ Пресвященнаго Епископа Іустина 6 р., отъ г.

Чепчикова 5 р., отъ благочиннаго Одесскихъ церквей протоіер. А. Тихомирова для шести предметныхъ церквей 39 руб., отъ благочиннаго церквей Севериновскаго округа для 14 церквей округа 91 руб.

Недавно вышелъ **IV-й**, весьма объемистый (720 стран.), томъ **БЕСѢДЪ и ПОУЧЕНІЙ** Преосвященнаго Никанора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Цѣна два рубля съ пересылкою. Адресоваться въ Канцелярію Его Высокопреосвященства.

Тамъ же имѣются въ продажѣ **I, II и III** томы **Поученій Архипастыря**. Цѣна каждому тому два рубля съ пересылкою.

«ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ»

Епископа Іустина,

Составленное по семинарской программѣ и одобренное Учебнымъ Комитетомъ въ качествѣ учебнаго пособія, часть 1-я, продается въ Херсонѣ, — въ канцеляріи Архіерейскаго дома, — по 2 рубля за экземпляръ, съ пересылкой.

Вторая часть печатается: Цѣна 3 рубля.

При редакціи Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей имѣются
для продажи слѣдующія изданія:

1) Памяти Высокопреосвященнаго **ДИМИТРІЯ**, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.—Цѣна 15 коп. *Съ благодѣлительною цѣлью.*

2) Краткій Молитвословъ съ объясненіемъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, изданный Одесскимъ Свято-Андреевскимъ Братствомъ. Цѣна 5 коп. безъ пересылки. За пересылку уплачивается по вѣсу.

3) Сказаніе о семи Священномученикахъ Херсонскихъ и бывшей ихъ паствѣ. Съ хромофотографированнымъ снимкомъ съ иконы Священномучениковъ Херсонскихъ, находящейся въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ надъ мѣстомъ погребенія въ Бозѣ почившаго Архіепископа *Димитрія*. Изд. Одесскаго Свято-Андреевскаго Братства. Цѣна 10 копѣекъ, За пересылку уплачивается по вѣсу.

СО Д Е Р Ж А Н І Е: Высочайшая грамота.—Опредѣленія Св. Синода.—Отъ Правленія Одесской духовной семинаріи.—Отъ Херсонскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Редакціи Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—Объявленія.

РЕДАКТОРЪ ПРОТОІЕРЕЙ **МАРТИРІЙ ЧЕМЕНА**.
Печатать дозволяется. Одесса, 13-го Апрѣля 1887 года

ЦЕНЗОРЪ ПРОТОІЕРЕЙ **ВАСИЛІЙ ВОЙТНОВСКІЙ**.

«Славянская Типогр.» Н. Хрисогелось, Ланжер. ул., д. № 23, въ Одессѣ.

ПРИБАВЛЕНІЯ

ЕСТЬ

ХЕРСОНСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

1887.

№ 8. ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ. 15 Апрѣля.

ПОУЧЕНІЕ

Преосвященнаго Никанора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго

ВЪ НЕДѢЛЮ ЖЕНЪ М҄УРОНОСИЦЪ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Еже прежде солнца Солнце, зашедшее иногда во гробъ, предвариша ко утру ищущыя яко дне м҄уросицы дѣвы, и друа ко друзьѣмъ вопіяху: о другини, прїидите, вонями помажемъ тѣло живоносное и погребенное, плоть воскресившаю падшаго Адама, лежащую во гробъ. Идемъ потщимся, якоже волсви, и поклонимся, и принесемъ м҄ра, яко дары, не въ пеленахъ, но въ плащаниць обвитому, и плачимъ и возопимъ: о Владыко! востани, падшимъ подай воскресеніе.

Вотъ одна изъ наирѣже употребляемыхъ, наименѣе понимаемыхъ и наипрекраснѣйшихъ пасхальныхъ пѣсней.

Эта пѣснь, по поэтическому своему строю, была бы понятнѣе на греческомъ языкѣ, еслибъ знаніе этого священнаго ново-завѣтнаго языка было обще-распространено,

чѣмъ на славянскомъ, буквально подсрочно передающемъ подлинный греческій текстъ, не всюду сродный съ гениемъ нашего роднаго славянскаго и развившагося изъ него новѣйшаго русскаго языка.

Пѣснь эта поражаетъ разумѣющихъ дивною красотою и въ своемъ славянскомъ складѣ, но на греческомъ подлинномъ текстѣ она представляетъ такую переливчатую радужную игру понятій, такіе поразительные контрасты образовъ, затѣмъ такой изумительно-естественный переходъ ихъ одного контраста въ другой и слитіе противоположностей, что такую изумляющую поэтическую красоту, въ церковныхъ пѣсняхъ, можно находить только у величайшаго ново-завѣтнаго церковнаго пѣвца, и то не во многихъ дивныхъ произведеніяхъ его небесно одухотворенной поэзіи.

Постараемся перевести эту пѣснь на русскія рѣченія. Предваряемъ однакоже, что она въ точности непереводаима потому что греческое рѣченіе: *воскресеніе* тождественно съ *возстаніемъ*; восходъ солнца, возстаніе спящаго, воскресеніе умершаго по гречески это будетъ одно *ἀνάστασις*; возставить, поднять значитъ воскресить и наоборотъ, и на игрѣ этихъ понятій основана неподражаемая красота цѣльнаго поэтическаго образа, рисуемаго этою пѣснью.

Вотъ нѣкогда, третій день тому назадъ, божественное Солнце, прежде солнечнаго заката, зашло во гробъ, въ могильный мракъ смерти. Теперь, въ свѣтлую пасхальную ночь, это божественное Солнце, Его свѣтлый восходъ, предварили къ утру муроносицы дѣвы, которыя ищутъ—ждутъ Его, какъ свѣтлаго дня. Ищутъ и вопіютъ одна къ другой:

о, другини! о, сестры—друзья! Пойдемъ помажемъ похоронными благовоніями тѣло живоносное, источающее жизнь, и въ тоже время само погребенное. Пойдемъ помажемъ мертвую плоть Того, Кто воскресилъ, Кто поднялъ и возставилъ падшаго Адама,—плоть, которая однакоже сама повержена и лежитъ во гробѣ. Идемъ же, поспѣшимъ, какъ волхвы, привѣтствовавшіе только что родившагося Христа, лежащаго въ ясляхъ. Поспѣшимъ, какъ волхвы, и поклонимся, и принесемъ похоронное миро, какъ дары, принесенные волхвами, золото, ливанъ и смирну,—принесемъ повитому теперь не пеленами, какъ младенцу, но плащаницею, какъ мертвецу. Принесемъ Мертвецу въ даръ похоронное миро, и заплачемъ и возопіимъ: о, Владыко! воскресни—встань, встань подая падшимъ, долу поверженнымъ, гнилымъ мертвецамъ воскресеніе. Встань самъ и подыми ихъ. Взойди, наше Солнце, зашедшее во гробъ, и озари своимъ свѣтомъ спящихъ во тмѣ сномъ смерти.

Мы представили смыслъ избранной церковной пѣсни. Теперь подложимъ подъ нее событіе, лежащее въ ея основѣ.

Не имѣемъ времени передать цѣлую исторію жизни св. женъ мироносицъ. Скажемъ только словами евангелиста о нихъ, что онѣ пошли за Иисусомъ изъ Галилеи и ходили вслѣдъ за Нимъ во время Его общественнаго служенія, служа Ему отъ имѣній своихъ. Иисусъ Христосъ, изъ всѣхъ своихъ послѣдователей самъ избралъ 12 апостоловъ, которымъ и повелѣлъ ходить всюду за Нимъ. Избралъ затѣмъ и еще 70, которыхъ посылалъ еще при жизни своей на проповѣдь евангелія, которые также ходили съ Нимъ

или за Нимъ болѣе или менѣе постоянно, хотя и не безпрерывно. А женъ мѣроносицъ Онъ не приглашалъ ходить за собою; но онѣ сами, по теплотѣ своихъ сердець, пошли за Нимъ, радуясь, что могутъ служить Ему хоть чѣмъ ли-бо, и служили Ему, какъ и апостоламъ Его, отъ своихъ имѣній, безъ сомнѣнія болѣе или менѣе содера, на счетъ своихъ имѣній, общину св. апостоловъ, оглаваемую божественнымъ ихъ Учителемъ. Женъ мѣроносицъ привязывала къ Иисусу божественная высота Его ученія, божественная чистота Его жизни, божественная красота Его нравственнаго облика; а кромѣ того привязали также и благодѣянія. Мы знаемъ, что изъ главной между женами мѣроносицами Маріи Магдалины Онъ изгналъ семь бѣсовъ.

Изъ Галилеи, въ слѣдъ за Иисусомъ пошли жены мѣроносицы и въ послѣдній годъ Его жизни, пошли въ Іудею и Іерусалимъ, отчасти на праздникъ пасхи, отчасти же предчувствуя, что ихъ возлюбленный Учитель на этотъ разъ кончитъ тамъ несчастно. Пошли вмѣстѣ съ Марією, Матерію Иисусовою, которой въ эту пору исполнилось уже около 48 лѣтъ. Когда Спасителя схватили въ саду Геосиманскомъ и повели къ первосвященникамъ на судъ, муцины апостолы разбѣжались и оставили своего Учителя одного, за исключеніемъ однакоже двухъ апостоловъ, Петра и Іоанна. Іоаннъ послѣдовалъ за Нимъ до архіерейскаго двора потому, что былъ тамъ извѣстенъ. Онъ же, по знакомству въ архіерейскомъ домѣ, ввелъ туда, черезъ привратницу, и Петра, на несчастье сего послѣдняго. Черезъ нѣсколько минутъ Петръ, испуганный тѣмъ, что его признаютъ за ученика Иисова, отсекся отъ своего Учите-

ля съ клятвою. А Іоаннъ имѣлъ мужество,—впрочемъ, конечно, и по знакомству съ архіерейскимъ домомъ, послѣдовать за Іисусомъ до двора Пилатова, а оттуда и до креста. Вѣроятно, онъ слѣдовалъ за Іисусомъ, въ сопровожденіи Матери Господа и женъ мѣроносиць,—такъ всю эту священную группу мы и видимъ стоящую у креста, на которомъ умиралъ Богочеловѣкъ. Вотъ самъ евангелистъ Іоаннъ пишетъ: *стояла у креста Іисуса Мать Его, и сестра Матери Его, Марія Клеопова, и Марія Магдалина.* Вотъ Іисусъ тускнѣющимъ взоромъ усмотрѣлъ свою Матерь и стоящаго ученика, котораго любилъ.... Что шевельнулось, въ эту мучительную минуту, въ Его отбивающемъ послѣдніе предсмертные ритмы, умирающемъ по любви къ грѣшному міру сердцѣ, того мы не можемъ ни почувствовать, ни тѣмъ болѣе выразить. Умирающій, не желая выдать свою родную Матъ любопытствующей ненависти раздраженной толпы, говоритъ ей: *жено, женщина! вотъ сынъ твой* (вмѣсто Меня,—подразумѣвалось,—опора твоей наступающей старости). Потомъ говоритъ ученику: *вотъ мать твоя* (т. е. люби ее, береги ее, вмѣсто Меня). Они ушли, мы не видимъ ихъ у гроба Господня. Человѣческая страстность находитъ для себя привлекательнымъ видѣть Богородицу падающею въ изнеможеніи, ломающею руки, терзающею на себѣ волосы. Есть поэзія и въ этомъ представленіи. Но безпредѣльно выше истинный евангельскій образъ Богородицы, стоящей у Креста. Есть скорбь молчаливая, которая бываетъ во сто разъ глубже и томительнѣе скорби мятущейся. Молча Матерь Богочеловѣка стоитъ и смотритъ, когда Его пытали, приколачивали ко кресту; когда всѣ издѣвались надъ Нимъ; когда Онъ, въ непостижимой

тоскѣ, въ недомыслимой мукѣ вопилъ: *жажду*... Вopilъ даже къ Богу Отцу своему: *Боже мой! Боже мой! Зачѣмъ Ты Меня оставилъ*... Но все это въ совокупности съ тѣмъ, когда Онъ умирая, готовый испустить послѣдній вздохъ, говоритъ Матери, которая хочетъ, но не можетъ упокоить на своихъ колѣнахъ повисшую голову Сына,— когда Онъ говоритъ Матери: *Се сынъ твой*, указывая на возлюбленнаго своего ученика, а ученику: *вотъ Мать твоя*,— все это, вся эта минута оказалась невыносимою даже для Богоматери. Человѣческія силы оставили Ее. Ее или увели отъ креста, или унесли. Возлюбленный ученикъ въ эту минуту взялъ Ее во свояси. Всѣ близкія, всѣ родныя сердца оставили Иисуса умирать на крестѣ одного. Даже Богъ Отецъ, и тотъ оставилъ... Такъ было предопредѣлено, такъ нужно. Вотъ и послѣдній возлюбленный ученикъ оставилъ. Даже Мать родная, Матерь Божія въ изнеможеніи, и та оставила. Ктоже не оставилъ? Марія Магдалина не оставила и другія жены мироносицы... Стояли у Креста,— пишетъ св. евангелистъ,— смотря на крестъ издалека,— издалека, безъ сомнѣнія, изъ-за толпы, съ ненавистнымъ кроваваднымъ любопытствомъ тѣснившейся у креста. Стояли и смотрѣли, упокивали своими любящими взорами потухающей взоръ Богочеловѣка, Марія Магдалина, и Марія мать Іакова и Іоси, и Саломія, которыя, когда Онъ былъ въ Галилеѣ, ходили въ слѣдъ Его, и служили Ему, и иныя многія, которыя прибыли съ нимъ во Іерусалимъ. Но и съ Богочеловѣкомъ все совершилось по человѣчески. Утомились ли эти послѣднія, преданныя умирающему Богочеловѣку существа, наступающій ли праздникъ пасхи разогналъ ихъ по домамъ; домашнія ли предпраздничныя заботы по-

звали ихъ къ себѣ; сознаніе ли бесполезности дальнѣйшаго присутствія у креста поворотило ихъ спины къ Нему,— но только и эти наипреданнѣйшія существа, эти безстрашныя женщины подѣ конецъ оставили Иисуса висѣть и умирать на крестѣ одного. Одиночество наиполнѣйшее между небомъ и землею. Все отвергло, всѣ оставили!... Жены мироносицы поспѣшили воротиться по домамъ и для того, чтобы поспѣть, предѣ наступленіемъ пасхальной субботы, уготовать ароматы и миро. Но всеже одна или двѣ души не оставили одинокаго Мертвеца. Кто же не оставилъ Иисуса и теперь? Таже Марія Магдалина съ одною изъ подругъ не оставила. Чистая, возвышенная женская любовь пригвоздила ее ко Кресту Христову, готовая свести и въ одну могилу... Марія Магдалина и Марія Іосіева смотрѣли, гдѣ Его полагали во гробѣ, пишетъ св. евангелистъ. Духъ стариннаго церковнаго преданія навѣваетъ вѣрованіе, что вторая Марія оставалась здѣсь уже и для того, чтобъ приберечь первую Марію Магдалину, которая не могла оторваться отъ дорогаго гроба. Пришли Іосифъ, испросившій у Пилата тѣло Іисусово, пришелъ и Никодимъ съ нимъ; сняли тѣло Іисусово со креста, унесли въ близлежащій садъ Іосифовъ, обсыпали благовоніями, намастили благовонною мастью, обвили намащенными пеленами, повязали платъ на головѣ, внесли въ гробовую пещеру, вдвинули въ гробовую каменную нишу, окурили благовонными порошками самую пещеру, взвалили камень великій на двери гроба, на входъ въ гробовую пещеру, и ушли. И тѣ послѣдніе ушли, Іосифъ съ Никодимомъ. Ктоже не ушелъ, кто не оставляетъ и погребеннаго Іисуса? Все она же, Марія Магдалина; она съ другою Марією, безсильная подняться, сидитъ прямо противъ

гроба. Нужно полагать, что другая Марія, наконецъ, увела ее. Надвинулась ночь великой субботы.... Ушла и Марія Магдалина, ушла съ томительною заботою и жалостью въ сердцѣ, что и мѣромъ—то онѣ не могли помазать своего Господа, своего замученнаго Учителя.....

А тутъ эта несчастная пасхальная суббота. Нигдѣ ничего нельзя достать, ни купить, ни нести.... Тутъ и жены мѣроносицы упокоились по заповѣди, упокоили руки и ноги, связанные заповѣдью, хотя конечно не сердце. Измученнымъ любовью и скорбію сердцамъ эта томительная суббота показалась чуть не вѣчностью. Однакоже и она ушла. Ушла съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ.

И такъ одни изъ женъ мѣроносицъ приготовили ароматное мѣро еще съ вечера субботы; а Марія Магдалина и другая Марія и Саломія купили ароматы по минованіи субботы. Взявъ свои ароматы, жены мѣроносицы, съ разныхъ концовъ Іерусалима, пошли къ Голгоѣ, къ саду Іосифа Аримаѣйскаго, ко гробу тамъ находящемуся, чтобы пришедши туда помазать мѣромъ тѣло Іисусово. Помните изъ пасхальной пѣсни: *солнце еще не закатилось, какъ божественное Солнце зашло во гробъ. Теперь, въ пасхальную ночь, жены мѣроносицы предваряютъ восходъ солнечный, чтобы помазать Мертвеца, зашедшаго во мракъ могильный, и срываютъ зарю воскресенія, срываютъ восходъ изъ сѣни смертной вѣчнаго Солнца правды.* Но шли онѣ, убитыя горемъ, съ убитыми надеждами, съ простою житейскою заботою на поверхности глубоко измученныхъ горемъ сердецъ: *кто отвалитъ намъ камень отъ гробовыхъ дверей?* А камень былъ очень великъ.

Идутъ съ разныхъ сторонъ, съ разныхъ мѣстъ города къ одному средоточію, ко гробу, скрытому тамъ гдѣ то за городской стѣною, въ тѣни садовыхъ деревьевъ, въ скалѣ на откосѣ ужасной Голговы. Но пораженной въ самую глубину сердца Маріи Магдалинѣ самая поспѣшность сестеръ кажется нестерпимою медленностію; самая забота ихъ помазать тѣло муромъ является обременяющимъ ея порывы житейскимъ попеченіемъ. Ей нужно одно, скорѣе только увидѣть гробъ. И вотъ она одна отдѣляется и устремляется впередъ. Отъ нея болѣе или менѣе не отстаютъ принявшая надъ нею родственную заботу другая Марія. Магдалина пришла ко гробу, однакоже одна сущей тмѣ; утро едва едва начинало мерцать. И видитъ сквозь сумракъ уходящей ночи,—камень взятъ отъ гроба. А, Боже, Господа кто-то унесъ изъ гроба! Бѣжить съ новою скорбію, съ новою стрѣлою въ изнывающемъ отъ боли сердцѣ, назадъ. На пути, должно быть, встрѣтила оставшихъ отъ нея женъ муроносицъ. Говорить имъ: «взяли Господа изъ гроба»,—и поспѣшаетъ впередъ, передать ту же скорбную вѣсть мущинамъ апостоламъ. Между тѣмъ остальные муроносицы устремляются впередъ. Подходятъ въ уединенномъ саду, среди сумрака ночнаго, въ сосѣдствѣ ужасной Голговы, гдѣ быть можетъ еще торчали, рисуясь въ ночной мглѣ, ужасные три креста,—подходятъ ко гробу. Это была первая группа женъ муроносицъ.

Минуту передъ тѣмъ сдѣлалось великое землетрясеніе. Ангелъ Господень, сошедшій съ небесъ, приступивъ отвалилъ камень отъ дверей гроба и сѣлъ на немъ. Видъ его, среди глухой полночи, блестяль, какъ молнія, и одежда бѣлѣла, какъ снѣгъ. Внезапное землетрясеніе, явленіе свѣтоноснаго

ангела поразили приставленную ко гробу стражу до того, что стражи омертвѣли отъ страха; а потомъ пришедши нѣсколько въ себя, разбѣжались гонимые ужасомъ. Сии, хоть и страдательные враги Христовы, были здѣсь лишніе, были недостойны ощутить радость отъ ангельской вѣсти о воскресеніи. Разчищенное ими мѣсто, въ эту всерадостную минуту, занято женами мѣроносицами.— *Не бойтесь*,— слышать Онѣ. Это молніевидный, одѣтый свѣтомъ ангелъ обращаетъ къ нимъ свою рѣчь. *Не бойтесь. Я знаю, вы ищете Иисуса распятаго. Нѣтъ Его здѣсь. Христосъ воскрес!* И съ тѣхъ поръ вся вселенная, въ продолженіи вотъ уже почти двухъ тысячъ лѣтъ, повторяетъ ангелу въ отвѣтъ: *воистину воскрес!*— *Подойдите*,— вѣщаетъ ангелъ,— *посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь*.— Гробовыя еврейскія пещеры бывали иногда очень обширны, и въ нихъ бывало по нѣсколькѣ мѣстъ, на которыхъ клали умершихъ. Эти мѣста были родъ лавокъ или дивановъ каменныхъ, высѣченныхъ около стѣнъ пещеры, и отдѣлялись иногда перегородками. Въ евангеліи сказано, что гробная пещера Спасителя была новая, въ которой еще ни одинъ покойникъ не былъ положенъ.— *Идите скорѣе*,— вѣщаетъ ангелъ,— *возвѣстите ученикамъ Господнимъ, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*. И вотъ первая группа мѣроносицъ, вышедши поспѣшно изъ гробовой пещеры, побѣжала со страхомъ и радостію возвѣстить апостоламъ, что Христосъ воскрес!

Свѣтало. Когда первые лучи солнца только что освѣтили восточный край горизонта, когда небо на восточной сторонѣ только что заблѣлось, прибыли другія жены мѣроносицы, другою группою. Взглянувъ на гробъ, видятъ, что

камень отваленъ. Входятъ въ самую гробовую пещеру и видятъ ангела юношу, сидящаго на правой сторонѣ, облеченнаго въ бѣлую одежду. Вѣроятно смертное ложе Господа было на правой сторонѣ при входѣ въ пещеру; здѣсь и сидѣлъ ангель, указывая на мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. Увидѣли и ужаснулись. Ангель вѣщаетъ имъ: *не ужасайтесь, Иисуса ищите, Назарянина, распятаго. Христосъ воскресъ! Его нѣтъ здѣсь. Вотъ мѣсто, гдѣ былъ Онъ положенъ. Но идите, скажите ученикамъ Его и Петру....* Петръ недавно еще, въ самыя тяжкія для Господа минуты, отвергся отъ Него съ клятвою, что и не знаетъ Его вовсе, измѣнивъ данному незадолго предъ тѣмъ обѣщанію—даже умереть съ Нимъ, еслибъ это потребовалось. Вслѣдъ затѣмъ сознавъ свое паденіе, Петръ горько плакалъ. И вотъ ангель, безъ сомнѣнія, по повелѣнію самаго Господа, велитъ возвѣстить радостную вѣсть о воскресеніи апостоламъ всѣмъ и Петру особенно, ради его особенно тяжкаго горя и покаянныхъ слезъ.— *Скажите,*—вѣщаетъ ангель,—*что воскресшій Господь встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ. Тамъ вы Его увидите, какъ Онъ сказалъ вамъ.* Вышедши изъ гробовой пещеры, жены мѣроносицы побѣжали назадъ; на нихъ напалъ страхъ и ужасъ. *Испулавшись*, въ страхъ на первыхъ порахъ, они не могли перемолвить ни съ кѣмъ ни единого слова. Подошли еще нѣкоторыя другія жены мѣроносицы. Нашли камень отваленнымъ отъ гроба. Вошедши въ гробовую пещеру, не находятъ тѣла Господа Иисуса. Стоять онѣ въ пещерѣ и не удомѣваютъ. Вдругъ предстали предъ ними два мужа, два ангела, въ одеждахъ блистающихъ. Мѣроносицы, въ ужасѣ отъ блестящаго видѣнія, потупили глаза въ землю. А ангель вѣщаетъ къ нимъ: *что ищите живаго*

съ мертвыми? Нѣтъ Ею здѣсь. Христовъ воскресъ. Вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, когда былъ еще въ Галилеѣ, сказывая вамъ, что Сыну Человѣческому надлежитъ быть предану въ руки Человѣковъ грѣшниковъ и быть распяту и въ третій день воскреснуть. Весь гробъ, вся окружность гроба невидимо исполнены были ликовъ ангельскихъ. Тамъ было не только два—три ангела; тамъ были ихъ тысячи, и являлись они женамъ не постоянно одинъ и тотъ же. Являлись то одинъ, то другой, то два; то въ этомъ мѣстѣ, то въ другомъ; то съ такою рѣчью на устахъ, то съ другою, но говорили объ одномъ и томъ же: Христовъ воскресъ! И вспомнили мѣроносицы слова Господни и поспѣшили отъ гроба возвѣстить единонадесяти апостоламъ и всѣмъ прочимъ, яко Христовъ воскресъ!

Послѣдуемъ теперь за первую изъ мѣроносицъ, за Марію Магдалиною; она первая удостоилась узрѣть самого воскресшаго Христа, а не однихъ только ангеловъ. Свѣтлая картина свѣтлаго воскресенія Христова не будетъ дорисована; больше того, будетъ лишена лучшей, самой трогательной, самой существенной своей части, если мы не доскажемъ вамъ о явленіи самаго воскресшаго Господа сперва Маріи Магдалинѣ, а затѣмъ и прочимъ мѣроносицамъ.

Мы оставили Магдалину въ ту минуту, когда она, увидавъ, что во гробѣ нѣтъ Господа, поспѣшила назадъ, сообщить эту новую скорбную вѣсть какъ оставшимъ отъ нея прочимъ женамъ мѣроносицамъ, такъ и оставшимся въ домахъ апостоламъ. Бѣжить, и приходитъ къ самому Петру и къ другому ученику, котораго любилъ Иисусъ,—это къ Иоанну, которые очевидно пребывали вмѣстѣ, въ одномъ

домѣ, вѣроятно въ домѣ отца Іоаннова—Зеведея, гдѣ пребывала и Матерь Божія, которой Іоаннъ былъ усыновленъ. Прибѣжала и говоритъ имъ: *взяли, унесли Господа изъ гроба, и не знаемъ, не знаю я, не знаютъ и другія жены мироносицы, идъ положили Его*. Тотчасъ, вслѣдствіе принесенной Магдалиною вѣсти, Петръ и Іоаннъ поспѣшили ко гробу. Поспѣшили они оба вмѣстѣ. Но Іоаннъ, будучи моложе Петра, бѣжалъ скорѣе; а потому ранѣе Петра и прибѣжалъ ко гробу, но не вошелъ въ гробовую пещеру. Вѣроятно, робость въ уединеніи сада, при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, овладѣла душою юнаго ученика, и онъ одинъ не рѣшился войти въ пещеру, а только наклонился въ отверстіе, отъ котораго отваленъ былъ камень, и увидѣлъ лежащія пелены, которыми повить былъ Мертвецъ. Вслѣдъ за Іоаномъ приходитъ и Симонъ Петръ и, какъ болѣе мужественный и смѣлый, входитъ въ пещеру. Входитъ и видитъ, однѣ пелены лежатъ, и платъ, который былъ на главѣ Іисуса, лежитъ не съ пеленами, но особо свитый на другомъ мѣстѣ. Это показываетъ, что воскресшій Господь вышелъ изъ гроба, какъ духъ, какъ живая тѣнь, въ своемъ одухотворенномъ тѣлѣ, не взявъ съ собою ни одного изъ вещественныхъ покрововъ, которыми былъ укутанъ, какъ мертвецъ. Пелены и головной платъ остались на мѣстѣ во гробѣ. Тогда за Петромъ вошелъ въ пещеру и Іоаннъ, прежде пришедшій ко гробу, и увидѣлъ и увѣровалъ, хотя эта вѣра еще не была полная, богоприсвѣщенная. А Петръ и такой вѣры пока еще не получилъ, а пошелъ назадъ, только дивясь бывшему самъ въ себѣ. Такъ два преданнѣйшихъ ученика Господнихъ и возвратились къ себѣ, еще не совсѣмъ готовые къ явленію Воскресшаго, ко-

торый однакоже явился Петру въ тотъ же первый свѣтлый день воскресенія особо, ему одному; а Иоанну явился уже только вечеромъ въ запертой сіонской горницѣ, вмѣстѣ со всѣми прочими апостолами.

Марія же возвратилась ко гробу, вслѣдъ за учениками, и, быть можетъ, нашла ихъ еще при гробѣ, или же они только что удалились. Въ смятеніи духа, она одна въ саду, стоитъ у гроба и плачетъ, считая тѣло Господа похищеннымъ и не зная, гдѣ оно находится. Впрочемъ кто измѣритъ глубину ея скорби и опредѣлитъ тѣ предметы, которые исторгали горькія слезы изъ ея очей? Крѣпкія нити возвышенной любви, которыми она привязана была къ замученному Учителю, безжалостно и невозвратно были порваны. Бѣжала она отдать почившему хотя послѣдній долгъ,—помазать Его тѣло мѣромъ, но и тѣло унесено, и гдѣ та могила, надъ которою можно погоревать, которую можно оросить слезами порванной любви, и то неизвѣстно. Въ слезахъ она наклоняется въ гробовую пещеру; въ самый гробъ войти, какъ видно, она еще не осмѣливалась. Наклонилась, и видитъ двухъ ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи сидящихъ, одного у главы, а другаго у ногъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло Иисусово. И ангелы говорятъ ей: *жено, что ты плачешь?* Замѣтьте, что тутъ раскрывается таже исторія, которую на свѣтлой недѣлѣ въ одной изъ нашихъ бесѣдъ, мы прослѣдили надъ Еммаусскими путниками. Марія видитъ ангеловъ, слышитъ ихъ голосъ, но не признаетъ ихъ за небесныхъ вѣстниковъ; а напротивъ говоритъ съ ними какъ съ простыми смертными существами. Очи ея еще пока держались въ такомъ состояніи, что не могли видя усмотрѣть небесныя существа въ этихъ

свѣтлыхъ собесѣдникахъ. Она поглощена одною мыслию, не замѣчая ея странности, увлечена одною заботою: *унесли Господа моего*, — говоритъ Марія свѣтлымъ собесѣдникамъ, — *и не знаю, идѣ Его положили*. Сказавъ это, она обратилась назадъ. Обратилась, быть можетъ, случайно въ растерянности чувствъ, или почувявъ близъ себя чье то присутствіе, или невольно ища глазами потерянный любимый предметъ, кудабы это могли положить ея Господа, который былъ положенъ вотъ здѣсь, на ея глазахъ. Уже загоралась заря, загоралось утро Воскресенія. Обернувшись видить, но не узнаеть. Было еще примрачно въ саду; особенно же примрачно было въ ея душѣ, и очи ея видя не видѣли и не узнавали, кого видѣли. Видить Иисуса стоящаго, но не узнаеть, что это Иисусъ. Замѣтте разность дѣйствія, посредствомъ котораго Воскресшій пробуждаетъ сперва вѣру, а потомъ и видѣніе, — разность Его дѣйствованія на женщину и на мужчинъ, на Марію Магдалину и Еммаусскихъ путниковъ. Тамъ въ Еммаусскихъ путникахъ Воскресшій дѣйствуетъ на умъ, бесѣдуя, совопрошая, порицая, убѣждая, переводя убѣжденія ума въ теплоту сердца. Здѣсь же въ Маріи Магдалинѣ Воскресшій дѣйствуетъ прямо и единственно только на сердце. Иисусъ говоритъ ей: *жена! что плачешь? Кого ищешь?* хочетъ своими сочувственными, трогаящими сердце вопросами приготовить сердце Маріи къ откровенію себя. Марія, думая, что это садовникъ, — предположеніе естественное: кому же, какъ не садовнику, быть въ саду такъ рано? — думая, что это садовникъ, говоритъ ему: *господинъ! Если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, идѣ ты положишь Его?* Кътобы ни унесъ тѣло Господа, враги ли, Иосифъ ли Аримаѳейскій велѣлъ переложить тѣло Господа

въ другой гробъ,—садовнику это должно быть извѣстно.—*Скажи мнѣ*, — упрасиваетъ она сослезами, — *идь ты положила Его, и я возму Его.* — Въ чрезвычайной скорби, по безмѣрной любви ко Господу, она забыла о своихъ силахъ, о своемъ лицѣ и полѣ, обо всемъ; она надѣется взять и унести Господа одна, сама.... Выплакавъ свою мольбу чуждому для нея существу, этому садовнику, который не спѣшитъ отдать ей тѣло, она оборачивается отъ него ко гробу.—*Марія!* вдругъ слышитъ она ушами, и родной звукъ отразился въ глубинѣ ея сердца. Еммаусскимъ путникамъ Господь открылъ себя въ знакомомъ дѣйстви преломленія хлѣба. Маріи же открылся въ знакомой сердцу ея интонаціи голоса, въ произнесеніи ея имени: *Марія!*—Это говоритъ Иисусъ! *Раввуні, учитель!* вырывается восторженное восклицаніе изъ ея сердца. И съ этимъ словомъ она кидается къ Воскресшему. Она не ожидала воскресенія; она не вѣрила предсказаніямъ Господа о воскресеніи; она не думала, не размышляла о воскресеніи; сердце ея подавлено было Его смертію, поражено новою скорбію, что и тѣло Его унесено безвѣстно вѣмъ и куда. Но это — Онъ несомнѣнно! Это Его голосъ! Но что же Онъ въ дѣйствительномъ ли тѣлѣ, воскресшемъ, возставшемъ изъ гроба? Или это только духъ Его, отшедшій къ Богу и теперь только явившійся въ тѣлесномъ видѣ? Все это, какъ молнія, пронесется по ея восторженной душѣ. Удержать Его, осязаніемъ увѣриться въ томъ, что видитъ глазъ, прикоснуться къ Возлюбленному, ухватиться за ноги Его! Но слышитъ: Иисусъ, останавливая ея уже неумѣстный теперь, крайній порывъ, говоритъ ей: *не прикасайся ко Мнѣ. Я не духъ, изшедшій*

изъ тѣла. Я еще не возшелъ ко Отцу моему. А иди къ братіямъ моимъ и скажи имъ: восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и къ Богу моему и Богу вашему.

Остановленная въ своемъ порывѣ, на этотъ разъ, Марія Магдалина спѣшитъ назадъ—исполнить повелѣніе Господа, возвѣститъ Его братіямъ, что *Христосъ воскресъ*, что она видѣла Его и Онъ сказалъ ей это самъ. Но на пути догоняетъ группу возвращающихся отъ гроба, съ радостію и трепетомъ, другихъ женъ мѣроносицъ. И вотъ теперь уже вмѣстѣ идутъ онѣ возвѣститъ ученикамъ Его, что повелѣно. Сердца ихъ разогрѣлись и умиротворились,—и се Іисусъ встрѣтилъ ихъ и вѣщаетъ: *радуйтесь*. И онѣ, пристушивъ, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говоритъ имъ Іисусъ: *не бойтесь, идите, возвѣстите братіямъ моимъ, чтобы шли въ Галилею,—и тамъ они увидятъ Меня*. Теперь уже всякая тѣнь душевной мглы сдвинулась съ ихъ сердецъ и, вмѣстѣ съ восходомъ солнечнымъ, возсіялъ въ нихъ полный свѣтъ воскресенія Христова.

Вотъ это то всерадостное событіе и лежитъ въ основѣ выше предпоставленной нами, наипрекраснѣйшей пасхальной пѣсни: *уже прежде солнца Солнце зашедшее во гробъ предварили къ утру мѣроносицы жены...* Или вотъ другая церковная пѣснь, воспѣваемая нынѣ во славу женъ мѣроносицъ: «вотъ рано, прежде солнца, женскій ликъ, ликъ женъ мѣроносицъ, взыскалъ истиннаго вѣчнаго Солнца, которое зашло было тогда во гробъ. Свѣтозарный же ангелъ провозгласилъ имъ: се, возсіялъ свѣтъ, озаряющій спящихъ во тмѣ и тѣни смертной; идите, возвѣсти-

те свѣтозарнымъ свѣтоноснымъ ученикамъ, плачь на радость преложите; пасхѣ же радостной и міру спасительной рукоплещуще, несомнительнымъ сердцемъ, ликуйте, и лигуя воспѣвайте: Христось воскресе, даруяй мірови велию милость». Аминь.

1877 г.

ПУТЬ СПАСЕНІЯ

I.

*Учителю, что сотворивъ,
жизнѣ вѣчной наслѣдую?
(Лук. 10, 25).*

Такъ нѣкогда вопрошалъ Господа одинъ законникъ! Но законникъ вопрошалъ Господа, *искушалъ Его*, какъ бы любопытствуя только, что скажетъ Учитель; ибо самъ зналъ, какой надо сдѣлать на это отвѣтъ. Намъ съ вами, братъ, нужно вопрошать о пути ко спасенію, и не изъ пустаго любопытства, а по искреннему желанію получить на него прямой отвѣтъ—невѣдомый, или забытый,—вопрошать по кровной нуждѣ, потому что душа болитъ и сердце томится недоумѣніями,—что сотворивъ, жизнь вѣчный наслѣдуемъ?

Такое томительное недоумѣніе весьма естественно, когда насъ окружаетъ самая неопредѣленная сфера мыслей, когда мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ, и въ словахъ и въ дѣлахъ человѣческихъ, великое разномысліе и разнообразіе. Осмотритесь кругомъ и увидите, что даже и тѣ, кои

отъ насъ, не одно говорятъ. — Одинъ, напр., говоритъ: «молись—и спасеть Господь;» другой: «плачь, сокрушайся—и Богъ не уничтожитъ;» третій: «твори милостыню, и она покроетъ множество грѣховъ;» четвертый: «постись и приметайся въ дому Божіи;» пятый: «брось все, удались бѣгая и водворись въ пустыни» и т. п. Вотъ сколько разныхъ отвѣтовъ и совѣтовъ у нашихъ! И все это такія спасительныя истины и правила, съ которыми неизбѣжно встрѣтятся на пути спасенія. Что же касается до тѣхъ, кои считаютъ себя сущими отъ насъ, но перестали уже быть нашими, — разумѣю христіанъ, увлекшихся духомъ вѣка и суетности, — тѣхъ, которые, усвоивъ себѣ нѣсколько здравыхъ понятій, заимствованныхъ въ христіанствѣ, и возмечтавъ о себѣ много, оставили насъ и сердцемъ отделились отъ Христа Господа, хотя языкомъ еще исповѣдуютъ Его, — что касается до нихъ, то между ними еще болѣе самаго грустнаго и болѣзненнаго разномыслія, уклонившагося отъ пути истины и блуждающаго на распутіяхъ жи. Не случалось ли и самимъ вамъ—или слышать при разговорѣ, или читать въ книгѣ, какъ иные уметвуютъ о порядкѣ вещей, коему надлежало бы быть по ихъ уму, вмѣсто того, который есть теперь? О спасеніи души здѣсь и помину нѣтъ. Вѣчное блаженство человѣка, говорятъ такіе умники, принадлежитъ ему по какому-то праву; нужно только заботиться о томъ, чтобы и земную жизнь усладить какъ можно болѣе—изъ горестной превратить въ райскую. Въ этомъ духѣ иной проповѣдуетъ: «не вѣрь ничему кромѣ ума твоего, слѣдуй влеченіямъ природы твоей, будь независимъ, живи въ свое удовольствіе, не позволяй чужой рукѣ лежать на твоей шеѣ, — и будешь счастливъ;» другой

жалобно возглашаетъ: «гдѣ не распложаютъ общественныхъ увеселеній, театровъ, клубовъ, маскарадовъ и т. п., тамъ и жизнь не въ жизнь.» Третій учитъ: «прямою дорогою идти нельзя, нужно умѣнье жить—умѣнье такъ вести дѣло, чтобы не терять своего интереса; и не дать другимъ подмѣнить своихъ плановъ, намѣреній и чувствъ» (это у нихъ называется благоразуміемъ); четвертый усиливается доказать, что «если не защищать своей чести и достоинства (защищать, а не беречь),—то пропадешь.» Видите ли, какое все это мрачное мудрованіе! И однако же оно составляетъ, можно сказать, основаніе обычаевъ свѣта: его можно встрѣтить свободно ходящимъ—и въ простой бесѣдѣ, и въ большомъ собраніи, и въ книгѣ печатной—не одной. Какъ будто такъ и быть должно.

Вообразите же теперь, что должно произойти въ умѣ и сердцѣ вашего знакомаго, а иногда, можетъ быть, вашей дочери и вашего сына, да и въ вашей собственной душѣ, когда въ одномъ, другомъ, третьемъ мѣстѣ встрѣтятъ ихъ и васъ подобныя рѣчи,—когда въ одной книгѣ вычитаете такія мысли, а въ другой и третьей еще хуже,—и это не одинъ день или мѣсяцъ, а цѣлыя годы,—когда, при томъ, всѣ видятъ вокругъ себя обычаи, напитанные тѣмъ же духомъ, а тутъ и въ своемъ сердцѣ, искушаемомъ соблазнами, возникаютъ прихотливые помыслы, колеблющіе доброе настроеніе?! Вообразите, что всѣ сіи разностороннія впечатлѣнія, за одинъ разъ, соберутся въ юную да и не въ юную, можетъ быть, душу: что тогда должно возчувствовать сердце, особенно сердце, еще не забывшее Господа и дорожащее словомъ истины, изшедшимъ изъ устъ Божественныхъ? Я слышу изъ глубины сего сердца исходящій

воплъ, подобный воплю апостоловъ, уstraшенныхъ бурею, и Петра, начавшаго утопать: «Господи! спаси мя, погибаю! Господи! что сотворю, да спасуся?» Безъ сомнѣнія, и изъ васъ многіе слышать этотъ вопль. И я увѣренъ, что если бы здѣсь, среди насъ, сейчасъ явился Господь,—то всѣ, ищущіе прочнаго добра, и видящіе, какъ нынѣшній духъ, нынѣшнее ученіе, нынѣшніе порядки разнорѣчатъ другъ съ другомъ,—всѣ таковыя въ одинъ голосъ обратились бы ко Господу, прежде всего, съ вопросомъ: «Господи! что сотворимъ, да животь вѣчный наслѣдуемъ? Что сотворимъ, да спасемся?» Такъ естественно намъ, особенно нынѣ—въ наше мудреное время—вопрошати о пути ко спасенію, или о пути въ царствіе небесное,—вопрошати всѣмъ и не знающимъ, и забывшимъ, и сбившимся съ толку о пути этомъ....

Но, бр. мои, Господь *Иисусъ Христосъ вчера и днесь тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8). Тогда іудею онъ велѣлъ искать отвѣта въ законѣ: *въ законѣ что писано—какъ чтеши?* Нынѣ христіанину Онъ повелѣлъ бы безъ сомнѣнія обратиться ко св. Евангелію—вообще къ Новозавѣтному ученію, или къ Церкви Божіей, и спросилъ бы его: «что здѣсь содержится, — како разумѣши?» Очевидно, что Господь, обративъ вниманіе іудея на законъ, хотѣлъ внушить ему: нечего тебѣ и спрашивать; путь спасенія прописанъ въ законѣ; твори тако,—и спасешися.—На то и законъ данъ, чтобы вести тебя ко спасенію. Подобно сему должно сказать и христіанамъ, колеблемымъ навѣянными на нихъ недоумѣніями: нечего вамъ спрашивать; христіанство и есть единственный путь ко спасенію. Будьте истинными христіанами,—и спасетесь. На что же св. Церковь, на что догматы и заповѣди, на что св. таинства, наши посты, бдѣнія,

молитвы, освященія и проч.? Все это, или все, содержимое св. Церковію, и есть вѣрный путь ко спасенію. Кто сердечно прійметъ и усердно исполняетъ все, что заповѣдуетъ св. Церковь,— тотъ на пути спасительномъ. Посему, если есть это въ насъ, то намъ не спрашивать должно, а славословить; не искать, гдѣ спасеніе, а принимать его готовое, намъ принадлежащее или насъ объемлющее; всю крѣпостію воздавать славу, честь и благодареніе Господу, спасающему насъ во святой своей Церкви. Что, т. е. должны мы дѣлать? Свято чтить и неуклонно ходить во всѣхъ ученіяхъ, уставахъ и постановленіяхъ св. Церкви, не слушая никакихъ пустыхъ умствованій новомодной философіи, которая стремится все разорить, ничего не созидая.

Но думаю, что въ вашемъ умѣ все еще остается не опредѣленнымъ: что же именно нужно дѣлать, чтобы спастись? Вообще, вѣруйте во все то, во что вѣровать повелѣваетъ св. Церковь, и, принимая благодатныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія, молитвованія и учрежденія св. Церкви, идите неуклонно путемъ заповѣдей, возвѣщенныхъ намъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей,—и спасетесь. Разъяснимъ это себѣ подробнѣе, взявъ въ руководство сравненіе пути ко спасенію съ обыкновеннымъ путемъ.

Собирающемуся идти въ путь, чтобы благополучно совершить свое путешествіе, надобно знать сей путь, знать направленіе его и долготу, равно какъ и все, могущее встрѣтиться на его протяженіи; и при самомъ шествіи надобно видѣть и самый путь и то, чѣмъ онъ окруженъ.

Тагъ и христіанину, желающему достигнуть живота вѣчнаго, надобно знать и ведущій къ нему путь, и все ему сопригосновенное, все что и выше его, и окрестъ, и впереди его; умъ и мысли надобно освѣтить собраніемъ здравыхъ понятій обо всемъ сущемъ и бывающемъ; надобно знать: «кто есть Богъ? что міръ сей? какъ онъ стоитъ и куда ведется? что мы? зачѣмъ мы здѣсь? и что ожидаетъ насъ за гробомъ? какъ намъ должно держать себя въ отношеніи ко всему окружающему: къ верховному существу—Богу, къ братіямъ нашимъ—человѣкамъ и къ міру невидимому—ангеламъ и святымъ?» Знающій все это шествуетъ при свѣтѣ; а не знающій сего сидитъ во тьмѣ, и, еслибы вздумалъ идти, поткнется, ибо тьма ослѣпляетъ очи его. И одно только христіанство разгоняетъ тьму сію, давая на все указанное вѣрные отвѣты—въ своемъ ученіи. Оно учитъ, что Богъ, въ Троицѣ покланяемый—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, сотворивъ все единымъ словомъ своимъ, все содержитъ глаголомъ Своея, и все ведетъ къ своему предназначенію, особенно же блюдетъ человѣка, и падшаго преестественно возстановляетъ въ Христѣ Спасителѣ, вразумляя его откровеніями и руководя заповѣдями, опредѣляющими всѣ его обязательныя отношенія, и составляющими собственно путь, коимъ слѣдуетъ идти. Совокупность всѣхъ этихъ понятій и есть свѣтъ, указывающій намъ путь и освѣщающій его. Итакъ: узнай православное христіанское ученіе и содержи его всѣмъ сердцемъ, и—будешь видѣть путь въ царствіе, будешь видѣть и все окружающее сей путь и все могущее встрѣтить въ продолженіи его. Это—первое.

Но пусть и знаетъ кто путь, пусть онъ и освѣщенъ

будеть: что пользы въ этомъ знаніи, если нѣтъ силъ идти по нему? Большой, разслабленный, безногій, лежа при пути, по которому необходимо идти, — и такъ необходимо, что если не пойдетъ, погибнетъ, — такой большой будетъ только больше сокрушаться отъ того, что знаетъ и видитъ сей путь, а идти по нему не можетъ. Въ такомъ бы положеніи были и мы, если бы Господь, просвѣтивъ насъ свѣтомъ вѣдѣнія, не далъ намъ силъ идти по указанію сего свѣта; ибо сами собою мы не можемъ идти, не имѣемъ силъ: мы разслаблены, разбиты. Но не смущайтесь! Отъ Божественной силы Господа нашего, призывавшаго насъ въ чудный свой свѣтъ, даровано намъ все потребное для разума и благочестія, и все это всякому вѣрующему подается въ св. таинствахъ Церкви, подается независтно, въ такомъ обилии, сколько кто желаетъ и можетъ вмѣстить. — Крещеніе возрождаетъ; миропомазаніе укрѣпляетъ; св. причащеніе прискреннѣйше соединяетъ съ Господомъ Иисусомъ Христомъ; св. покаяніе возстановляетъ падшаго, который падаетъ снова — по крещеніи и проч. Всякое таинство даетъ особую божественную силу, нужную человѣку на пути въ царство небесное. . . . Итакъ: зная содержимыя Церковію таинства, бывай сколько можно чаще причастникомъ ихъ, съ вѣрою и по всему чину, установленному въ св. Божіей Церкви, — и силы божественныя, нужныя къ совершенію пути въ царство небесное, никогда не оскудѣютъ въ тебѣ. Это — второе.

Но на пути могутъ ослабѣвать и истощаться силы, могутъ встрѣчаться приманки и увлеченія: отъ перваго должно прекратиться шествіе; отъ втораго — принять ложное направленіе. Конецъ же того и другаго — пагуба. Какъ же

быть? Надобно обновлять силы и отклонять приманки и увлечения. Что нужно для этого? Одно: неуклонно исполнять всѣ постановленія Церкви и всѣ чины ея—священнодѣйственные, молитвенныя и освятительныя. И это вотъ почему! Въ св. таинствахъ мы приѣмлемъ благодать Св. Духа, какъ искру Божественную, ниспадающую въ наше естество. Какъ для того, чтобы искра, павшая въ вещество, превратилась въ пламень, необходимъ воздухъ и движеніе сего воздуха; такъ необходима своего рода атмосфера и движеніе сей атмосферы и для того, чтобы искра Божественной благодати, принятая нами въ таинствахъ, проникла въ наше естество и превратилось въ пламень. Эту атмосферу и составляетъ наша церковность—всѣ чины священнодѣйствій, молитвъ и послѣдованій Церкви, окружающихъ человѣка во всѣхъ положеніяхъ, а движеніе сей атмосферы есть непрестанное послѣдованіе священнодѣйствій Церкви—однихъ за другими, и непрерывное участваніе человѣка—то въ одномъ, то—въ другомъ. Здѣсь разумѣются дневныя службы: вечерня, утренья, литургія, праздники церковныя, крестныя ходы, молитвованія на разные случаи—въ домахъ и церквахъ, путешествія ко св. мѣстамъ, особенно же—св. посты, съ говѣніемъ и причащеніемъ св. таинъ. Чѣмъ кто усерднѣе участвуетъ во всѣхъ этихъ чинопослѣдованіяхъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе будетъ разгораться въ немъ искра благодати, пока не превратится въ пламень, поглощающій весь составъ его—душевный и тѣлесный. Кто будетъ такъ дѣйствовать, у того никогда не истощатся силы, тотъ никогда не потеряетъ бодрости на пути и не впадетъ въ безпечность. Этотъ же способъ дарованъ намъ и для того, чтобы отклонять отъ себя приманки и развлеченія міра. Кто

живеть по уставу Церкви, тотъ, какъ за оградю спрятавшийся, не боится соблазновъ міра. Церковность есть какъ бы отпѣваніе и отчитываніе отъ омраченія, производимаго дыханіемъ мірскаго духа. Коснется ли кого эта зараза, — бѣги въ Церковь и все отойдетъ, или — будь неуклонно вѣренъ указаніямъ Церкви, и міръ не найдетъ случая приразиться къ тебѣ; ибо противъ всего, чѣмъ соблазняетъ насъ міръ, въ Церкви имѣются чистыя, освящающія средства. Противъ шумныхъ и небезгрѣшныхъ гуляній у насъ есть святыя праздниги; противъ баловъ у насъ существуютъ церковныя служенія; противъ театровъ у насъ божественныя священнодѣйствія. Сравнивай всякій, что лучше и не увлекайся пустою приманкою, и ради ея не оставляй существеннаго, плодотворнаго и питательнаго. Итакъ: живи по церковному, — и будешь жить какъ въ духовной атмосферѣ и оградѣ, — и силы твои никогда не ослабѣютъ въ тебѣ къ продолженію пути, — и никакія приманки не увлекутъ тебя на распутія. Это — третье.

Чтобы не утомить васъ, коротко скажу вамъ четвертое. Могутъ на пути встрѣтиться препятствія, которыхъ не догадаешься, какъ преодолѣть; могутъ быть разставлены сѣти, которыхъ не съумѣешь миновать; могутъ быть сочтанія стезей, при которыхъ не сообразишь, куда идти; можетъ набѣжать облако, которое скроетъ совсѣмъ путь и устрашитъ громомъ и молніями.... Къ кому тогда обратиться? Какъ быть? Кто поможетъ въ такихъ случаяхъ? Ангелы съ неба? Но они являются только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, оставляя обычное теченіе дѣлъ существующему у насъ порядку. Такъ кто же поможетъ? Пастыри — отцы духовные, которые и даны Церкви, по апостолу, для

того, чтобы не допускать христіанъ вляяться недоумѣніями, и вести всѣхъ неуклонно по пути въ животъ вѣчный, научая каждаго приходитъ въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. 4, 11—15). Итакъ: будь покоренъ руководству отцевъ духовныхъ,—и избѣжишь распутій и преткновеній на пути въ царствіе небесное,—и скоро и безбѣдно притечешь ко вратамъ рая.

Вотъ кратко все, что предлагаетъ намъ христіанство о пути спасенія! 1) Знать и содержать ученіе христіанское, которымъ сообщаются здравыя понятія о всемъ сущемъ и указывается самый путь въ царство—въ заповѣдяхъ; 2) быть подъ дѣйствіемъ св. таинствъ Церкви, чрезъ которыя даруются силы, яже къ животу и благочестію; 3) участвовать во всѣхъ священнодѣйствіяхъ, молитвованіяхъ и чинослѣдованіяхъ Церкви, какъ положено уставомъ, чтобы тѣмъ възгрѣвать въ себѣ искру благодати Божіей и отклонять обаяніе міра; 4) ввѣряться руководству законныхъ пастырей и духовныхъ отцевъ и повиноваться ихъ руководительнымъ указаніямъ. Итакъ: узнайте и сердцемъ держите все, чему учитъ св. Церковь, и, приемля благодатныя силы чрезъ таинства, и възгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія Церкви, идите неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей,—и несомнѣнно спасетесь — достигнете царствія небеснаго.

II.

Въ прошедшей бесѣдѣ мы дошли до слѣдующаго вывода: «узнай и сердцемъ содержи все, чему учитъ св. Церковь,

и, принимая Божественныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія и молитвованія Церкви, иди неувлонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей,—и несомнѣнно спасешься—достигнешь царствія небеснаго». Это—прямой и единственный отвѣтъ всякому вопрошающему: «что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую?» Всѣ спасіеся спаслись именно этимъ, а не другимъ способомъ; и всѣ теперь спасающіеся спасаются такъ, а не иначе.

Нечего бы больше и говорить объ этомъ. Но я боюсь, нѣтъ ли между вами такихъ, которые неправо объ этомъ судятъ.— Не думаетъ ли кто, что не все, изъ сказаннаго одинаково необходимо, или—не для всѣхъ все необходимо,—что безъ иного, можетъ быть, можно обойтись, не умаляя тѣмъ своего спасенія, а иное можетъ быть оставлено на произволь, не будучи обязательно для всѣхъ? Потому вынужденнымъ себя нахожу пояснить вамъ, что все сказанное нами, т. е. здоровое ученіе вѣры, хожденіе по заповѣдямъ, принятіе таинствъ, участіе во всѣхъ молитвованіяхъ Церкви и руководство законныхъ пастырей,—все это существенно необходимо въ дѣлѣ спасенія, такъ что тамъ только и содѣвается спасеніе, гдѣ есть все въ совокупности; а гдѣ чего либо недостаетъ, тамъ дѣло спасенія подвергается великой опасности и портится. Ибо—

Какого спасенія ожидать тому, кто не содержитъ истиннаго ученія вѣры и Церкви, кто неправо мыслить или о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, или о настоящемъ нашемъ испорченномъ состояніи, или о способѣ нашего возстановленія, который одинъ, или о смерти и будущей участи

нашей, или о какомъ бы то ни было догматѣ,—когда самъ Господь говорить, что *если кто отвернется словесъ Его въ родъ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, тою и Онъ отвернется предъ Отцемъ своимъ, иже есть на небесахъ* (Марк. 8, 19)? А кого Господь отвергнетъ, гдѣ тому мѣсто? Ужъ вѣрно не въ царствіи небесномъ. А вотъ есть же люди, которые говорятъ: «какъ хочешь вѣруй, только живи хорошо,—и ничего не бойся»; какъ будто можно жить хорошо, не имѣя здравыхъ понятій о предметахъ, сообщаемыхъ истинною вѣрою?! Не льститеся, братія! Въ составъ истинной жизни входитъ не одно поведеніе, но и здравый образъ мыслей, такъ что у кого недостаетъ послѣдняго, о томъ не слѣдуетъ говорить, что жизнь его исправна и хороша. Съ другой стороны, жить хорошо—значитъ жить богугодно,—богугодная жизнь вся ведется по волѣ Божіей, —а одно изъ первыхъ опредѣленій воли Божіей относительно насъ есть вѣровать въ того, Кого Онъ послалъ, т. е. въ Господа Иисуса Христа и Его Божественное ученіе. Значитъ тотъ, кто говоритъ: «какъ хочешь вѣруй, только живи хорошо»,—когда истинно вѣровать есть заповѣдь Божія,—походить на такого челвѣка, который самъ разоряетъ основаніе, на которомъ хочетъ строить домъ, или на такого, который хочетъ переѣхать рѣку на ладѣ, которую самъ сознательно разбиваетъ подъ собою.

Какого спасенія ожидать и тому, кто нарушаетъ какія либо заповѣди Божія, напр.: заповѣдь правды и милосердія, воздержанія и трудолюбія, чистоты или нестяжательности, супружеской вѣрности или другой какой, умаляя тяжесть своихъ грѣховъ какимъ-нибудь кривотолкованіемъ, напр.: «природа влечетъ, сердце требуетъ,» или стараясь за-

слонить ихъ безобразный видъ отъ совѣсти какими-нибудь видимыми, не совѣмъ трудными, дѣлами благочестія, напр.: хожденіемъ по св. мѣстамъ, устроеніемъ цѣнныхъ иконъ и возженіемъ лампадъ? Какого, говорю, ожидать спасенія таковыми, когда прямо говорится, что если хочешь внити въ животъ, соблюди заповѣди (Матѣ. 19, 17)?—что неправедники, какого бы рода они ни были, царствія Божія наследити не могутъ (1Кор. 6, 9)? Нужны конечно, и нужны существенно, въ дѣлѣ спасенія, и внѣшнія дѣла благочестія, но не одни: необходимо при томъ исполненіе и всѣхъ другихъ заповѣдей Божіихъ. *Сіе подобаетъ творити*, говоритъ Господь, *и оныхъ не оставляти* (Матѣ. 23, 23). Какъ безъ ногъ идти или безъ крыльевъ летать, такъ безъ исполненія заповѣдей достигнуть царствія небеснаго невозможно.

Какъ это еще иные самовольно замышляютъ содѣвать свое спасеніе сами собою, не приѣмля Божіихъ силъ, яже къ животу и благочестію, чрезъ св. таинства, и не возгрѣвая ихъ священнодѣйствіями и молитвованіями Церкви? Я уже объяснилъ, что мы падшіе немощны, и шага не можемъ сдѣлать на добромъ пути, безъ особенной благодатной помощи,—что благодать сія приѣмлется въ св. таинствахъ, и приѣмлемая подобна бываетъ въ началѣ малой искрѣ, которая потомъ возгарается до пламени дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ чинахъ св. Божіей Церкви. Все это и само собою ясно, и сознается своимъ опытомъ, и свидѣтельствуется всѣми. А вотъ есть же люди, которые говорятъ: «вся эта церковность нужна для простыхъ; понимающимъ же дѣло достаточно одного умственнаго, духовнаго или сердечнаго служенія Богу. Блаженны вы, простыя души, все безпрекословно принимающія и всякому голосу Церкви охотно по-

винующіяся! Вы подобны древамъ, насажденнымъ при исходящихъ водахъ, которыя даютъ плоды свои во время свое. А тѣ, понимающіе дѣло,—по своему конечно,—подобны, въ духовномъ отношеніи, тощимъ былинкамъ, растущимъ на сухой, каменистой или песчанной почвѣ, и едва слабыя признаки жизни въ себѣ показывающимъ; или еще и того хуже: они подобны сѣменамъ, заглушеннымъ еще въ нѣдрахъ земли, но прозябшимъ или перезябшимъ. Вообразите себѣ на дворѣ дождь, снѣгъ, духъ бурень, и поставьте въ такую погоду на открытомъ воздухѣ челоуѣка, не прикрытаго, какъ должно, одеждою,—долго ли онъ проживетъ? Точь въ точь въ такихъ находится обстоятельствахъ тотъ, кто чуждается таинствъ и всей нашей животворной церковности. Жалки такіе люди! Эгоизмъ и самочиніе снѣдаютъ кости ихъ.

Наконецъ, Господь избралъ апостоловъ, апостолы передали дѣло свое епископамъ, опредѣливъ въ сотрудники имъ пресвитеровъ. Всѣ они въ совокупности составляютъ Богоучрежденное паствыство въ Церкви, коего дѣло возводить всѣхъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, освящая таинствами, възгрѣвая священнодѣйствіями, а паче руководя совѣтами въ многораспутистомъ теченіи къ духовному совершенству. И благодареніе Господу, что такъ есть! Мы слѣпы: какъ слѣпому нуженъ вожатый, такъ намъ нуженъ указатель пути въ царствіе Божіе; въ очень многихъ случаяхъ нужно лице, которое какъ бы за руки взяло насъ и вывело изъ запутанности мыслей и чувствъ, въ какія повергаетъ насъ иногда врагъ и собственное недоразумѣніе. Не говорите, что «руководитель всѣмъ есть Слово Божіе,—мы и сами прочитаемъ и увидимъ, что

нужно». Слово Божіе содержитъ общія указанія для всѣхъ, а что именно нужно мнѣ, и въ моихъ обстоятельствахъ, это долженъ объяснить мнѣ другой—живой голось опытный. Не будь сего, я долженъ блуждать по распутіямъ и быть въ постоянной опасности. И вотъ почему благопотребна намъ помощь благоразумнаго совѣта пастырскаго. Какъ же это инымъ и, можетъ быть, не малому числу кажется, что у нихъ нѣтъ другихъ обязательныхъ отношеній къ своему пастырю, кромѣ приглашенія, въ случаѣ нужды, совершить таинство или другое какое священнодѣйствіе? Такіе забываютъ, что *имѣ же плсть управленія падаютъ, аки листвіе, спасеніе же есть во мнозѣ совѣтъ* (Притч. 11, 15).

Изъ всего сказаннаго выходитъ снова тоже заключеніе, что и прежде: «хочешь ли спасенія,—узнай и сердцемъ, содержи все, чему учитъ св. Церковь, и, пріемля Божія силы чрезъ таинства, и възгрѣвая ихъ чрезъ всѣ священнодѣйствія и молитвованія Церкви, иди неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей,—и несомнѣнно спасешься—достигнешь царствія Божія.» Все это существенно необходимо въ дѣлѣ спасенія, необходимо все въ совокупности и для всѣхъ. Кто одного чего не принимаетъ, или не допускаетъ, нѣтъ тому спасенія,—тотъ не уврачуется своихъ немощей и не избѣжитъ болѣзней. Церковь Божія есть врачевательница, содержащая въ своемъ устройствѣ врачество, всякую нашу болѣзнь врачующее. Составныя части врачества сего суть: православное ученіе, жизнь по заповѣдямъ, таинства съ священнодѣйствіями Церкви и руководство пастырей. Какъ въ болѣзняхъ тѣлесныхъ врачество бываетъ цѣлительно только тогда, когда

оно составлено изъ всѣхъ означенныхъ въ рецептѣ веществъ; такъ въ болѣзни нашей духовной цѣлительность можетъ имѣть мѣсто въ насъ только тогда, когда мы приедемъ всѣ стихіи, входящія въ составъ единственнаго врачевства нашего духовнаго—христіанства, или Церкви. Отнимите какую нибудь вещь изъ врачевства тѣлеснаго,— оно уже не будетъ имѣть своего дѣйствія. Не примите чего-нибудь изъ того, что входитъ неизбѣжно въ составъ христіанства, или Церкви,—и вы сами себя лишите цѣлительности, такъ вамъ необходимой, и слѣдовательно останетесь въ томъ же неуврачеванномъ, пагубномъ состояніи,—стало бытъ не спасетесь и не узрите царствія небеснаго.

Итакъ: мы узнали, что желающему спасти свою душу необходимо знать и свято содержать Божественное ученіе святой вѣры, необходимо—притомъ—принимать Божественныя силы чрезъ св. таинства и възгрѣвать ихъ чрезъ всѣ церковныя священнодѣйствія, и—затѣмъ—съ помощію ихъ идти путемъ заповѣдей Божиихъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей. Видѣли также, какъ все сіе необходимо, и необходимо все въ совокупности, такъ что тотъ напрасно будетъ льстить себя надеждою спасенія, кто самочинно отвергаетъ какую-нибудь изъ сихъ, совершающихъ спасеніе, стихій.

Обращаясь теперь къ самимъ себѣ,—къ тому порядку жизни, какой царствуетъ среди насъ, что находимъ? Находимъ, что все сіе уже дѣйствуетъ въ кругу насъ,—что мы не лишены законнаго Богоучрежденнаго пастырства, которымъ совершаются для насъ спасительныя таинства со всѣми священнодѣйствіями, исповѣдуется св. вѣра и толкуются заповѣди Божіи,—что, слѣдовательно, мы обла-

даемъ всѣми средствами, *яже къ животу и благочестію*, или живемъ въ спасительной, такъ сказать, атмосферѣ.— Спасеніе такъ близко къ намъ, что его можно какъ бы осязать. Какъ же будетъ намъ горько, если въ тотъ часъ, когда будетъ рѣшаться достоинство каждаго изъ насъ, мы окажемся не содѣлавшими своего спасенія?! Помышляя о семъ, снова не удержимся отъ вопроса: Что же сотворимъ? Что сотворимъ сими Божественными средствами ко спасенію, да спасемся?

Вотъ что сотворимъ:

Возблагодаримъ Господа, такъ о насъ благоволившаго,— возблагодаримъ за то, что едва рождаемся мы, какъ уже вступаемъ въ спасительную среду и находимъ готовымъ все, необходимое ко спасенію, и, прежде чѣмъ придемъ въ сознаніе, уже несемъ по пути спасительному—общимъ теченіемъ спасаемыхъ. Какъ въ видимой природѣ самое малое насѣкомое, раждаясь, находитъ все необходимое къ своему существованію вокругъ себя; такъ окружаетъ и насъ Господь теплою заботою, едва явились мы на свѣтъ,—и продолжаетъ потомъ ее до конца нашей жизни. Изъ колыбели еще беретъ насъ въ свои объятія мать наша Церковь,— возрождаетъ къ новой жизни, питаетъ и хранитъ на всѣхъ путяхъ нашихъ, и не отступаетъ отъ насъ, пока не опуститъ въ могилу, съ успокоительною для остающихся и безсильною для отшедшихъ молитвою: «во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу, или усопшей рабѣ.» Чѣмъ же все сіе заслужено? Ничѣмъ. Есть много народовъ, незнающихъ пути истиннаго. Тѣмъ, которые раждаются среди ихъ, надо усиленно искать сего пути,—и еще найдутъ ли? а мы вступаемъ въ него безъ

всякихъ съ нашей стороны усилій, находимъ не искавши Почему такъ? Единому Богу то извѣстно. Но всячески, въ этомъ дѣйстви Божественнаго промысленія нельзя не видѣть особеннаго къ намъ Божія благоволенія. Возблагодаримъ же за все сіе Господа, такъ о насъ благопромысливаго! Возблагодаримъ при семъ и за самое убѣжденіе въ томъ, что мы обладаемъ истинно спасительными средствами, ибо въ связи съ этимъ убѣжденіемъ стоитъ другое убѣжденіе— въ особенной Божіей къ намъ близости, въ томъ, что единый истинный Богъ есть нашъ Богъ, и мы люди Его,—есть нашъ Отецъ, и мы дѣти Его.—А выше этого блага ничего и быть не можетъ на землѣ. Слыша сіе, не одинъ изъ васъ, можетъ быть, готовъ воскликнуть, какъ бы осязая уже спасеніе: «Господь мой и Богъ мой!» Но не забудьте, брат., слова Господа: *не всякъ глаголай Ми: Господи, Господи! спидетъ въ царствіе Божіе* (Матѳ. 7, 21). Вотъ и опять вопросъ: что же еще сотворимъ?

Вотъ что сотворимъ:

Всѣмъ помышленіемъ своимъ, всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостію своею предадимъ себя сему Божественному устроенію нашего спасенія; а именно: а) будемъ блюсти *непоколебимое убѣжденіе* въ истинѣ сего устроенія спасенія и нестложной его необходимости для всѣхъ вообще. Ахъ, братія! побѣдите искушеніе своего ума и доходящаго до слуха вашего суемудріе другихъ. Не поддавайтесь сомнѣніямъ и не позволяйте колебать покоя вѣры вашей дерзкому и гордому совопросничеству: «*для чего то и зачѣмъ это? Лучше бы такъ или такъ.*» Отклоняйте сіи соблазны. Не мы первые. Сколько уже было спасенныхъ этимъ путемъ?! Мы больше; насъ врачуютъ. Объясняетъ ли врачъ, почему онъ

такъ, а не иначе врачуеть больнаго. Умолкнемъ же и смиренно покоримся всему, яко Божию устроению. б) И не это одно; приложимъ еще *сочувствіе* ко всему этому устроению, т. е. такъ себя настроимъ, чтобы сердце наше находило удовольствіе—и въ достойномъ принятіи св. таинъ, и во всякомъ Богослуженіи и священнодѣйствіи, и въ слушаніи проповѣданія истинъ Божіихъ, и во вниманіи къ руководству и совѣтамъ пастырей, и во всякомъ вообще дѣлѣ, предписываемомъ закономъ Божиимъ. Кто къ чему имѣеть сочувствіе, тотъ туда и влечется. Имѣеть кто сочувствіе къ другому чему,—къ тому и бѣжитъ. Вотъ отчего и бываетъ, что, тогда какъ одни спѣшатъ въ церковь, другіе ѣдутъ въ театръ, на балъ или гулянье.... Но сами знаете,—чего ожидать отъ сихъ послѣднихъ? Переселите же сердца свои изъ сихъ суетныхъ мѣстъ въ отрадную область Божию, и тамъ находите услажденіе и всю полноту довольства сердечнаго. *Гдѣ сокровище*, говоритъ Господь, *тамъ и сердце*; стало быть, гдѣ сердце, тамъ и сокровище. Что же за сокровища предлагаетъ міръ?! И стоятъ ли онѣ того, чтобы ими осквернять сердце, предопредѣленное быть обителію Бога?! Не подумалъ бы кто, что можно совмѣстить то и другое! Нѣтъ, нельзя. Сердце наше одно и просто; такъ что гдѣ оно есть, тамъ есть уже все,—и въ другомъ чемъ уже нѣтъ его, и оно быть тамъ не можетъ. Потому кто въ міръ съ сердцемъ, тотъ въ Церкви безъ сердца. И на оборотъ, кто въ Церкви съ сердцемъ, тотъ въ міръ безъ сердца. Гдѣ нибудь—да неизбѣжно быть безъ сердца. А безъ сердца—что за жизнь! Въ міръ хорошо быть безъ сердца; а въ Церкви Божіей быть безъ сердца,—значить быть лицомъ бромъ предъ очами Божіими, предъ всевидящимъ

Богомъ. Вотъ почему ко всему прописанному надобно еще приложить в) *ревностное, неопустительное и несмѣшанное исполненіе всего*, что требуется для спасенія. Уже одно, такъ одно: хочешь спастись,—держишься дѣлъ спасительныхъ; а не хочешь, какъ хочешь,—только знай, что не можешь Богу работать и мамонѣ. Рѣшимся же, братіе, идти твердо путемъ спасенія, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе. Отвергнемъ двоедушіе и исправимъ храмлющія ноги свои!

Что скажете вы о больномъ, который лежитъ въ доброй лечебницѣ, назидается добрымъ врачомъ, получаетъ прямыя противъ болѣзни лѣкарства, и всеѣмъ этимъ пренебрегаетъ: врача не слушаетъ, лѣкарствъ не употребляетъ? Что скажете также о томъ, кто стоитъ предъ чистымъ источникомъ, чувствуетъ жажду и имѣетъ возможность, даже понуждается утолить ее изъ сего именно источника, — и, вмѣсто того, оставляетъ его и бѣжитъ къ рѣкѣ, полной тины, гадовъ и смрада, и оттуда пьетъ воду, не утоляющую жажды? Конечно, не одобрите ни того, ни другаго. Но не надъ собою ли самими мы произнесемъ этотъ приговоръ, если, обладая всеѣми средствами ко спасенію, не будемъ пользоваться ими какъ слѣдуетъ? И не къ намъ ли будетъ относиться укоръ Божій: *Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати* (Перем. 2, 12—13). Такъ, братіе, благодареніе Господу, что Онъ по великой милости своей, такъ приблизилъ къ намъ свое спасеніе. Но приложимъ и свой трудъ! Путь спасенія указанъ и проясненъ. Онъ—предъ нами. Но все же мы не спасаемся, если не пройдемъ симъ путемъ! Обозрите еще разъ все въ совокупности устройство сего пути! Мы говоримъ: узнай

и содержи ученіе вѣры, и, пріемля силу чрезъ таинства, иди путемъ заповѣдей, подъ руководствомъ пастырей.— Здѣсь—знаніе вѣры и заповѣдей, таинства со всѣми священнодѣйствіями и руководствомъ пастырей составляютъ устроеніе спасительнаго пути, который виѣ насъ. Самое же дѣло спасенія, въ чемъ? Въ томъ, чтобы идти симъ путемъ.— Пойдемте же! *Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 2)!

Въ заключеніе всего, передамъ вамъ одно древнее сказаніе, очень близкое къ тому, о чемъ мы говорили.

«Одинъ глубокой старецъ, жившій въ уединенной пустынѣ, впалъ въ уныніе, и тѣма помысленій начала сокрушать душу его, внушая ему недоумѣніе, правильно ли идетъ онъ, и есть ли надежда, что труды его увѣнчаются—наконецъ—успѣхомъ? Старецъ сидѣлъ понигши головою. Сердце было, но очи не давали слезъ. Сухая скорбь томила его. Между тѣмъ, какъ онъ тагъ убивался горемъ, предсталъ ему ангель и сказалъ: «что смущаешься, и зачѣмъ помысленія входятъ въ сердце твое? Не ты первый и не ты послѣдній идешь путемъ симъ. Многіе уже прошли имъ, многіе идутъ и многіе пройдутъ въ свѣтлыя обители райскія. Ступай за мною,—я покажу тебѣ разные пути, какими ходятъ сыны человѣческіе, равно какъ и то, куда приводятъ сіи пути. Смотри и вразумляйся.»

Повинуясь мановенію ангела, старецъ всталъ и пошелъ; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ сталъ виѣ себя и погрузился въ созерцаніе дивнаго видѣнія, которое открылось умнымъ очамъ его. Онъ видѣлъ, по лѣвую отъ себя сторону, густой мракъ, какъ стѣну непроницаемую, внутри котораго слышались шумъ, тревога и смятеніе.

Всматриваясь внимательно въ мракъ, увидѣлъ онъ широкую рѣку, по которой волны ходили взадъ и впередъ, вправо и влѣво,—и кто-то всякій разъ, какъ мелькала предъ очами его волна, какъ бы на ухо внятно произносилъ старцу: это волна невѣрія,—безпечности,—холодности; это немилосердія,—разврата,—взяточничества; это—нѣги,—забавы,—зависти,—раздора; а это—пьянства,—нечистоты,—лѣности,—невѣрности супруговъ и проч. И всякая волна поворачивала на себѣ предъ нимъ несмѣтное множество людей, поднимала ихъ изъ рѣки и снова погружала въ глубь ея. Въ ужасѣ старецъ воскликнулъ: Господи! ужели всѣ сіи погибнуть, и нѣтъ имъ надежды спасенія? Ангелъ сказалъ ему: смотри далѣе, и узришь милость и правду Божию!

Старецъ взглянулъ еще на рѣку; и увидѣлъ ее по всей широтѣ и по всей долготѣ своей покрытую малыми ладьями, въ которыхъ сидѣли свѣтлые юноши, со всякаго рода орудіями, во спасеніе утопающихъ. Они всѣхъ призывали къ себѣ, и инымъ подавали руки, другимъ спускали жерди и доски, тѣмъ бросали верви; а иногда погружали въ глубь багры и крюки, не ухватится ли и тамъ кто! И что же? Рѣдкій—рѣдкій откликался на призывный голосъ ихъ, и еще менѣе было такихъ, которые пользовались, какъ слѣдуетъ, подаваемыми имъ орудіями спасенія. Наибольшая же часть съ презорствомъ отвергали ихъ, и съ какимъ—то дикимъ услажденіемъ погружались въ рѣкъ сей, издававшей чадъ, смрадъ и гарь. Старецъ простеръ взоръ свой вдоль рѣки, и въ концѣ ея увидѣлъ бездну, въ которую низвергалась она. Юноши въ большомъ количествѣ стремительно плавали въ ладьяхъ туда и сюда, у самаго края бездны, заботливо подавая помощь всякому;

но — не смотря на то, каждую минуту, на каждой точкѣ рѣки, цѣлыя тысячи людей, вмѣстѣ съ рѣкою, низвергались въ бездну, откуда были слышны одни стоны отчаянія и скрежетанія зубовъ. Старець закрылъ лице свое и зарыдалъ. И былъ къ нему голосъ съ неба: «горько, но кто виновать? Скажи, что бы еще могъ Я сдѣлать для спасенія ихъ, чего бы не сдѣлалъ? Но они съ ожесточеніемъ отвергають всякую, подаваемую имъ помощь. Они отвергнутъ Меня, если Я низойду на помощь къ нимъ въ самыя безотрадныя мѣста ихъ страданій».

Успокоившись нѣсколько, старецъ обратилъ очи свои на правую сторону, къ свѣтлому востоку, и утѣшенъ былъ отраднымъ видѣніемъ. Тѣ, кои, внимая зову свѣтлыхъ юношей, подавали имъ руку, или хватались за какое-нибудь спасительное орудіе, были извлекаемы ими на правый берегъ. Здѣсь принимали ихъ другія лица, вводили въ небольшія стройныя зданія, разсѣянныя въ большомъ количествѣ по всему протяженію берега, гдѣ обмывали ихъ чистою водою, облакали въ чистыя одежды, онаясывали, обували, давали посохъ, и, подкрѣпивъ пищею, отсылали въ путь далѣе къ востоку, заповѣдавъ имъ — не озираться вспять, идти безъ остановки, внимательно смотрѣть подъ ноги, и не пропускать ни одного подобнаго зданія безъ того, чтобы не зайти въ него и не подкрѣпить себя въ немъ пищею и совѣтомъ отъ тѣхъ, чьему попеченію ввѣрены сіи зданія, равно какъ и всѣ заходящія въ нихъ. Старець провель глазами по берегу и увидѣлъ, что — на всемъ протяженіи его готовятся въ путь эти избавленные. На лицѣ всѣхъ отпечатлѣвались радость и воодушевленіе. Видно было, что они всѣ чувствовали особенную легкость и силу,

и съ нѣкоторою неудержимостію устремлялись въ путь, первыи стадіи котораго усѣяны пріятными цвѣтами.

Старець обратилъ потомъ взоръ свой далѣе къ востоку, и вотъ что ему открылось. Пріятный лугъ оканчивался не вдали отъ берега; далѣе начинались горы, лежавшія хребтами въ разныхъ направленіяхъ. Онѣ шли—то голыя и утесистыя, то покрытыя кустарниками и лѣсами,—подымаясь все выше и выше и пересѣкаясь пропастями. Повсюду по нимъ видны были путники—труженники. Иной карабкался на крутизну, другой сидѣлъ въ утомленіи, или стоялъ въ раздумьѣ, тотъ боролся со звѣремъ или змією; одинъ шелъ прямо къ востоку, а другой по косвенному направленію, а иной перерѣзывалъ поперечно пути другимъ; только все были въ трудъ и потѣ, въ борьбѣ и напряженіи силъ—и душевныхъ и тѣлесныхъ. Рѣдкій путникъ всегда видѣлъ дорогу; часто она совѣмъ пропадала, или раздроблялась во распутіа; въ иномъ мѣстѣ скрывали ее туманъ и мракъ, въ иномъ пересѣкала пропасть, или крутой утесъ; тамъ преграждали ее звѣри изъ дубравы, или ядовитыя, гады изъ ущелій. Но вотъ что дивно! Повсюду по горамъ разсѣяны были красивыя зданія, подобныя тѣмъ, въ которыя принимаемы были въ первый разъ спасенные отъ воды. Коль скоро путникъ заходилъ въ нихъ, какъ ему заповѣдано въ началѣ,—то какъ бы онъ ни былъ изможденъ до того времени, выходилъ оттуда бодрымъ и полнымъ силъ. Тогда звѣри и гады не могли выносить взора его и бѣжали отъ него,—никакія препоны надолго не останавливали его; и онъ легко и скоро отыскивалъ скрывавшійся какимъ либо образомъ путь, по тѣмъ указаніямъ, какія получалъ въ тѣхъ зданіяхъ. Всякій разъ

какъ преодолѣвалъ кто препятствіе, или одолѣвалъ врага, — становился крѣпче, выше и статнѣе. Чѣмъ кто выше восходилъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ и свѣтлѣлъ. Къ вершинѣ горы мѣстность опять становилась гладкою цвѣтистою; но ступившіе на нее вскорѣ входили въ свѣтлый облакъ или туманъ, изъ котораго болѣе уже не показывались. — Старець приподнялъ очи выше сего облака и изъ-за него или изъ-за горы, увидѣлъ чудный неописанный красоты свѣтъ, изъ котораго доносились къ нему сладостные звуки: «святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ!» Старець въ умиленіи палъ ницъ, и надъ нимъ звучно пронеслось слово Господне: *такъ тецъте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24).

Поднявшись снова на ноги, старецъ увидѣлъ, что съ разныхъ высотъ горы, не малое число путниковъ, въ разныхъ мѣстахъ, стремительно бѣжали снова къ рѣкѣ, то молча, то съ крикомъ и хульными, бранными словами. Къ каждому изъ нихъ—и съ верху и съ низу—обращаемо было воззваніе: «остановись! остановись!» Но гонимые какими—то малорослыми муринами, они не внимали остороженію, и снова погружались въ смердящую рѣку. Тогда старецъ въ изумленіи возвалъ: Господи! что сіе? и услышалъ въ отвѣтъ: «Плодь самочинія и непокорливости Богуочрежденному порядку!» Тѣмъ видѣніе кончилось. Ангель, показывавшій его старцу, спросилъ его наконецъ: «утѣшенъ ли?» И старецъ поклонился ему до земли.

Думаю, братія, нѣтъ нужды много говорить вамъ для истолкованія сего видѣнія, взятаго изъ одного древняго «Отечника». Рѣка есть міръ; погруженные въ ней люди—живущіе по духу міра, въ страстяхъ, порокахъ и грѣхахъ; свѣтлые юноши въ ладьяхъ суть ангелы и—вообще—при-

зывающая ко спасенію благодать; бездна, въ которую низвергалась рѣва съ людьми, есть пагуба; красивое на правомъ берегу зданіе—Церковь, гдѣ, чрезъ таинства покаянія или крещенія, обратившіеся грѣшники омываются отъ грѣховъ, облакаются въ одежду оправданія, препоясуются силою свыше, и поставляются на путь ко спасенію; восходъ на гору съ разными затрудненіями—разные труды въ очищеніи сердца отъ страстей; звѣри и гады—враги спасенія; гладкая къ вершинѣ мѣстность — умиротвореніе сердца; свѣтлое облако, скрывающее путниковъ—покойная смерть; свѣтъ изъ-за горы—рай блаженный; зданія, разсѣянные по горѣ—храмы Божіи. Кто заходитъ въ сіи зданія на пути, т. е. принимаетъ таинства и участвуетъ въ священнодѣйствіяхъ и молитвованіяхъ Церкви, пользуется совѣтомъ и руководствомъ пастырей, тотъ легко преодолеваетъ всѣ препятствія, и скоро приходитъ къ совершенству. А кто самочинно отвергаетъ ихъ, не подчиняясь указаніямъ и совѣтамъ пастырей, тотъ скоро падаетъ, и духъ міра снова увлекаетъ его.

Прилагать къ сему какое-либо увѣщаніе считаю излишнимъ. Умоляю только васъ, братія, спаситесь отъ вѣка сего лукаваго. (Изъ сочиненій Епископа Теофана).

«Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый, и покрыла мя чуждая тьма, обаяннаго: но обрати мя, и къ свѣту заповѣдей твоихъ пути моя направи, молюся!

«Настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей»!

Епископъ Іустинъ.

Изъ воспоминаній бывшаго уніатскаго іеромонаха.

(Окончаніе) *).

Въ Римѣ прежде всего я посѣтилъ секретаря пропаганды, монсиньора Барнабо.—Каково же было мое удивленіе, когда сейчасъ послѣ привѣтствія онъ мнѣ сказалъ: «что это? Вы сдѣлались Папою?» (come? siate stato papa?).—Не понимая ничего, спрашиваю: «какъ это? не понимаю». «Да какъ?» отвѣчаетъ онъ, «вы уже пишете энциклики» (папскія посланія).—Я еще не догадался: «какія такія энциклики?» говорю — «Какія? Да вы отправляете посланія ко всѣмъ епископамъ!» Тогда я понялъ, что дѣло идетъ о письмахъ нашего общества къ епископамъ, и возражаю: «во первыхъ письмо это не мое, а отъ имени общества, затѣмъ я не знаю, есть-ли какой канонъ, которымъ бы было запрещено не только обществу, но даже частному лицу писать епископамъ; если есть такое запрещеніе, тогда я сознаюсь, что мы согрѣшили.» — «Да оно—то не запрещено, но все же это неумѣстно, да еще въ такихъ выраженіяхъ, какъ въ вашемъ письмѣ.» — «Мнѣ кажется, отвѣчаю, что въ этомъ письмѣ нѣтъ ничего неточнаго или предосудительнаго.» — «Какъ нѣтъ? Вы величаете восточныхъ патріарховъ *святѣйшествомъ*, когда это названіе принадлежитъ одному только Папѣ римскому!» — «Извините, монсиньоръ, оно принадлежитъ всѣмъ патріархамъ, на вселенскихъ соборахъ ихъ величали святѣйшествомъ или блаженствомъ, посмотрите письма римскихъ Папъ къ восточнымъ патріархамъ, вы найдете всегда: ваше святѣйшество или ваше блажен-

*) Нач. см. въ № 7. Приб. къ Херс. Еп. Вѣд.

ство (*tua sanctitas, tua beatitudo*); если вселенскіе соборы, если Папы римскіе такимъ образомъ ихъ величали, да и такъ ихъ всѣ восточные величаютъ, то, кажется, что и мы не согрѣшили, давая имъ титулъ святѣйшества.» — «Да, это было въ древнія времена, въ настоящее же время пропаганда имъ пишетъ ваше высокопреподобнѣйшее господство (*Reverendissima dominatio vestra*).» — Такой отвѣтъ возмутилъ меня, и я рѣзко сказалъ: «какъ же это вашихъ прелатовъ вы величаете *эксцелленція* (превосходительство) и кардиналовъ *эминенція* (высокопревосходительство), а патриарховъ, занимающихъ въ церкви самое высшее достоинство послѣ папы, называете только высокопреподобнѣйшествомъ?» — На это монсиньоръ секретарь сказалъ: «оставимъ это, гораздо важнѣе и обиднѣе то, что вы написали о латинскихъ миссіонерахъ.» «Мы написали лишь чистую истину.» — «Нѣтъ, сердито сказалъ секретарь, это неправда!» «Какъ можете, монсиньоръ, говорить, что это неправда; мы написали то, что мои собственные глаза видѣли и уши слышали!» — «Всего этого не довольно, вы должны письменно представить ваши оправданія, объ этомъ я вамъ послалъ письмо въ Парижъ.» «Письма вашего я не получалъ, но если вамъ угодно, я готовъ сейчасъ написать это оправданіе.» — «Нѣтъ, письмо ваше было отъ имени восточнаго общества, и общество должно оправдаться.» «Если такъ, то какъ только возвращусь въ Парижъ, буду имѣть честь препроводить вамъ это оправданіе.» На этомъ и окончился нашъ разговоръ.

Всю эту кутерьму надѣлалъ выше реченный епископъ папскій делегатъ въ Моссулъ — Плянше. — Монсиньоръ Барнабо показалъ мнѣ его письмо, въ которомъ онъ писалъ, что я возмущаю весь востокъ противу церкви римской, что

я выразился несправедливо относительно апостольскаго престола, величая патріарховъ названіемъ святѣйшества, присвоеннымъ только Папѣ и клеветою на латинскихъ миссіонеровъ.—Послѣ я узналъ, что добрый сей іезуитъ не ограничился тѣмъ однимъ, но еще уговорилъ французскаго консула въ Моссулъ своего однофамильца, чтобы тотъ сдѣлалъ на меня подобный доносъ въ французское министерство иностранныхъ дѣлъ. Министерство препроводило этотъ доносъ своему посланнику въ Римѣ, и тотъ передалъ его кардиналу Антонелли, который въ свою очередь доложилъ его Папѣ. Такимъ образомъ съ двухъ сторонъ поднялась противъ меня буря. Но и делегату іезуиту не повезло.—Онъ сталъ уже черезъ чуръ латинизировать халдейскую церковь, завелъ Григоріанскій календарь, латинскія церковныя облаченія и другіе порядки, настолько, что самъ патріархъ подалъ на него жалобу Папѣ.—И его однофамилецъ консулъ, видя всеобщее на него негодованіе, тоже вознегодовалъ на него и писалъ противъ него своему правительству.

Чтобы не возвращаться послѣ къ этому предмету, расскажу здѣсь его окончаніе. Раньше меня пріѣхалъ въ Римъ одинъ изъ секретарей нашего комитета, молодой французскій священникъ, которому комитетъ поручилъ представить Папѣ уставъ общества и просить утвержденія его.—Въ пропагандѣ успѣли отъ него узнать, что письмо къ владыкамъ составлено по моему проэку. Этимъ несчастнымъ письмомъ его напугали, прибавляя, что Римъ относился бы съ большимъ благоволеніемъ и явилъ бы свое покровительство обществу, если бы тому не препятствовали мои опрометчивыя дѣйствія. Онъ принялъ все это за чистую монету и, не сказавъ мнѣ объ этомъ ни слова, отпра-

вился въ Парижъ и, собравъ засѣданіе комитета весьма малочисленное, такъ какъ большая часть членовъ на лѣто уѣхала изъ Парижа, сообщилъ имъ все слышанное въ Римѣ. Рѣшили всю вину и отвѣтственность свалить на меня. Мой прїѣздъ въ Парижъ помѣшалъ исполненію этого рѣшенія. Возвратились уже и многіе изъ членовъ комитета и предсѣдатель князь Кадоръ. Состоялось засѣданіе, на которомъ послѣ даннаго мною объясненія, отмѣнено прежнее рѣшеніе и назначили комиссію, въ составъ которой и меня избрали, чтобы составить отвѣтъ на запросы пропаганды. Въ этомъ отвѣтѣ мы помѣстили все то, что я говорилъ секретарю пропаганды. Комитетъ одобрилъ нашъ отвѣтъ; только чтобы угодить немножко пропагандѣ, по желанію нѣкоторыхъ членовъ, въ концѣ отвѣта прибавлено, что если какое либо изъ нашихъ выраженій кажется пропагандѣ неумѣстнымъ, мы готовы его смягчить. На это оправданіе мы получили два письма: одно кардинала префекта пропаганды Францони предсѣдателю князю Шампани де Кадоръ, другое секретаря пропаганды монсиньора Барнабо ко мнѣ. Смыслъ обоихъ писемъ былъ тотъ, что пропаганда съ радостію видитъ вѣру и преданность общества святому апостольскому престолу. Такимъ образомъ окончилась вся эта буря. Не смотря на споръ съ монсиньоромъ секретаремъ, чрезъ него же я получилъ аудіенцію у Папы. Было то въ воскресный день, около полудни. Когда пришла моя очередь, и пропускающій къ Папѣ монсиньоръ, отворяя дверь сказалъ: «настоятель славяно-католическаго заведенія въ Парижѣ», Папа гнѣвно сказалъ въ полголоса: «какое тамъ заведеніе, какой настоятель»? Это уже не предвѣщало мнѣ ничего хорошаго. И дѣйствительно, Папа принялъ меня весь-

ма холодно, не далъ высказать моихъ прошеній, и послѣ нѣсколькихъ словъ благословилъ. Это значило, что аудіенція окончена. Съ тяжелою грустью въ сердцѣ вышелъ я изъ Ватикана, и на другой день отправился къ монсеньору секретарю пропаганды, съ намѣреніемъ, не удастся ли мнѣ узнать отъ него причины такого приѣма. Онъ принялъ меня улыбаясь и спросилъ: «ну, чтожь, хорошо ли Папа принялъ васъ вчера?» «Очень нехорошо», сказалъ я, и не знаю, чѣмъ я заслужилъ такой приѣмъ». «Ну, не горюйте; вчера вечеромъ я былъ, какъ обыкновенно, съ докладомъ, и Папа сказалъ мнѣ, что принялъ васъ весьма холодно, но причиною тому была невыносимая боль зуба, который онъ и далъ вырвать сейчасъ послѣ вашей аудіенціи. Поэтому онъ велѣлъ сказать вамъ, чтобы вы представились ему другой разъ».

Спустя нѣсколько дней я получилъ опять аудіенцію. По видимому, Папа былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Я началъ мою рѣчь слѣдующимъ: «Вашему Святѣйшеству извѣстно, что я уже нѣсколько лѣтъ посвятилъ себя дѣлу соединенія церквей, не ища ничего лично для себя, и напротивъ жертвуя всѣмъ ради святаго дѣла. Не ищу денегъ; ни на путешествія, ни на задуманныя мною предпріятія никогда я не просилъ денегъ. Не смотря на то, что иногда приходилось страдать, я не бросалъ дѣла, и оно держалось тогда во первыхъ промысломъ Божиимъ, а затѣмъ и моимъ трудомъ; нынѣ такимъ же образомъ существуетъ мое заведеніе въ Парижѣ. Я не ищу никакихъ достоинствъ, и я отелонилъ еще въ 1848 году предлагаемое мнѣ пропагандою епископство. Тѣмъ не менѣе до сего времени я не получилъ отъ Вашего Святѣйшества никакого знака одобренія моихъ тру-

довъ». «Чего жъ желаете, чтобы я вамъ сдѣлалъ»? спросилъ ласково Папа. «Покорнѣйше прошу, чтобы Ваше Святѣйшество благоизволили написать нѣсколько словъ, которыми я могъ бы доказать сомнѣвающимся, что Ваше Святѣйшество одобрили и благословили мои труды и предпріятія». «Хорошо, сказалъ Папа, я велю пропагандѣ написать вамъ такое письмо. Чего еще желаете?»—«Два изъ моихъ питомцевъ оканчиваютъ уже ученіе въ духовной семинаріи; почему покорнѣйше прошу повелѣть написать архіепископу Парижскому, чтобы онъ рукоположилъ ихъ въ священники съ сохраненіемъ ими греко-русскаго обряда».—«Хорошо, я это велю сдѣлать пропагандѣ.»—«Есть у меня еще одинъ питомецъ латинскаго обряда; покорнѣйше прошу позволить ему перейти въ нашъ обрядъ». «Оканчиваетъ ли онъ уже изученіе богословія?»—«Нѣтъ, Ваше Святѣйшество, онъ недавно началъ его изучать». «Такъ подадите прошеніе о переходѣ его въ вашъ обрядъ, когда онъ будетъ кончать обученіе; тогда и получите разрѣшеніе». Всѣ эти прошенія я подаль тоже письменно. Послѣ сего Папа весьма милостиво разговаривалъ еще со мною, спрашивалъ подробности о нашемъ приготовительномъ заведеніи въ Парижѣ и о другихъ предметахъ. Вѣсть о столь ласковомъ и благосклонномъ принятіи меня Папой разнеслась въ Римѣ съ прибавленіемъ, что я буду сейчасъ возведенъ въ санъ епископа. Кому-то угодно было написать объ этомъ въ Парижъ, и тамъ друзья мои уже готовились встрѣтить и привѣтствовать меня, какъ епископа.

На другой день послѣ моей аудіенціи, я сообщилъ монсеньору секретарю пропаганды рѣшеніе Папы на мои прошенія. Онъ обѣщалъ при первомъ докладѣ дѣлать, который

онъ еженедѣльно дѣлалъ Папѣ, спросить, что угодно будетъ опредѣлить Его Святѣйшеству въ этомъ дѣлѣ. Спустя нѣсколько дней онъ же самъ сказалъ мнѣ, что Папа повелѣлъ пропагандѣ сдѣлать все по данному мнѣ обѣщанію. Но тутъ же сейчасъ начало отърываться и недоброжелательство пропаганды, или можетъ быть самого лишь секретаря. Онъ прибавилъ: «для чего вамъ отдѣльное письменное одобреніе вашей дѣятельности? Въ письмѣ къ Парижскому архіепископу будетъ выражено полное одобреніе, и этого достаточно». Чтобы не раздражить его сопротивленіемъ, я согласился и на это, и только спросилъ: «когда явиться за полученіемъ письма?» «Прійдите чрезъ нѣсколько дней, и оно будетъ готово». Приходилъ я каждыя 2—3 дня, но письмо все не было приготовлено, и я все получалъ только обѣщаніе, что непременно оно будетъ чрезъ 2—3 дня готово. Наконецъ мнѣ уже нужно было возвратиться въ Парижъ. Французское посольство, по распоряженію министерства внѣшнихъ дѣлъ, выдало мнѣ и моему спутнику бесплатный билетъ на проѣздъ на казенномъ пароходѣ въ Марсель. Такимъ образомъ день отъѣзда былъ уже опредѣленъ. Объ этомъ я сообщилъ монсиньору секретарю, который мнѣ сказалъ: «такъ приходите въ самый день отъѣзда, и письмо непременно будетъ уже заготовлено». Я забылъ сказать о моемъ спутникѣ.—Былъ то молодой, довольно даровитый польскій поэтъ Ленартовичъ. Онъ горячо сочувствовалъ нашему дѣлу и изъявилъ мнѣ желаніе поступить въ число воспитанниковъ нашего заведенія, почему я и взялъ его съ собою въ Римъ.—Говорятъ: «*быть въ Римѣ и Папы не видѣть*»,—это какъ-то невысказано. Вотъ и мой спутникъ желалъ представиться Папѣ. Испро-

сивъ для себя прощальную аудіенцію, я взялъ съ собою и Ленартовича. Когда пришла моя очередь, меня ввели въ кабинетъ къ Папѣ, который принялъ и разговаривалъ весьма ласково и благословилъ. Тогда я сказалъ, что имѣю съ собою одного воспитанника нашего заведенія, родомъ поляка, и одного изъ лучшихъ польскихъ поэтовъ, который желалъ бы представиться Вашему Святѣйшеству и получить благословіе въ его намѣреніяхъ. «Не тотъ ли это, который у меня разъ былъ и такъ кричалъ, что я долженъ былъ напомнить ему, чтобы говорилъ тише?» Я догадался, что рѣчь идетъ о Мицкевичѣ и сказалъ: «и тотъ, о которомъ, Ваше Святѣйшество, вспоминаете, есть въ настоящее время самый преданный и покорный сынъ церкви. Въ этомъ я могу увѣрить Ваше Святѣйшество; но мой товарищъ принадлежитъ къ младшему поколѣнію». — «Пусть прійдетъ», и позвавъ прелата, вводящаго посѣтителей, сказалъ: «приведите его спутника». — И Ленартовича принялъ Папа ласково, похвалилъ его намѣреніе и, благословивъ насъ обоихъ, отпустилъ. Въ день нашего отъѣзда утромъ я пошелъ къ монсеньору секретарю, но не засталъ его, и мнѣ сказали, что сегодня нельзя его видѣть, потому что онъ на засѣданіи конгрегациі, которое продлится очень долго. Я отправился въ канцелярію и обратился къ столоначальнику, но тотъ сказалъ, что никакого письма къ Парижскому архіепископу нѣтъ, и что онъ ни о какихъ такихъ письмахъ ничего не знаетъ. Огорченный вышелъ я изъ зданія пропаганды и при выходѣ встрѣтилъ знакомаго генерала Шимановскаго. «Что вы такъ грустны?» спросилъ онъ меня. Когда я ему разсказалъ, въ чемъ дѣло, онъ говоритъ мнѣ: «вотъ я иду къ кардиналу префекту»

пропаганды, пойдѣмъ вмѣстѣ; вы попроситесь съ нимъ, и можетъ быть, все уладится». Я согласился, и мы пошли. Кардиналъ былъ тоже на засѣданіи, которое имѣло мѣсто въ его же комнатахъ. Его вызвали къ намъ. Послѣ недолгаго разговора, мы попрощались съ нимъ, и я сказалъ ему о письмѣ къ Парижскому архіепископу. Засѣданіе было въ сосѣдней комнатѣ и кардиналъ, отворивъ дверь, сказалъ: «монсиньоръ секретарь! священникъ Т. уѣзжаетъ и требуетъ какого - то письма». На это послышался отвѣтъ: «пусть ѣдетъ; я отправлю немедленно письмо въ Парижъ». Такимъ образомъ пришлось мнѣ уѣхать съ пустыми руками.

На обратномъ пути я заѣхалъ къ князю Шампани-де Кадоръ въ его имѣніе недалеко отъ Сень-Етіенъ, чтобы подѣлиться съ нимъ доброю вѣстію и подышать деревенскимъ воздухомъ и пробылъ тамъ недѣлю, угощаемый радушно и задушевно любезнымъ хозяиномъ.

Я надѣялся въ Парижѣ найти уже письмо пропаганды, но ни у архіерея, ни у меня дома никакого письма не получено. Я сейчасъ написалъ монсиньору секретарю; не получивъ отвѣта, написалъ я другой и третій разъ. Только на третье письмо получилъ я отвѣтъ, въ которомъ монсиньоръ извѣщаетъ меня, что Папа повелѣлъ освѣдомиться прежде о поведеніи этихъ двухъ воспитанниковъ отъ собственныхъ ихъ епископовъ (о чемъ и помину не было въ бытность мою въ Римъ), и пропаганда уже съ такимъ запросомъ отнеслась къ папскому нунцію въ Вѣнѣ, и когда получитъ благоприятный отвѣтъ, тогда Папа благословитъ рукоположить ихъ. Напрасно въ нѣсколькихъ письмахъ къ монсиньору секретарю и къ самому Папѣ представлялъ я

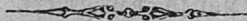
безполезность этой мѣры, такъ какъ эти молодые люди оставили свою страну еще какъ ученики среднихъ школъ и нѣсколько лѣтъ ужъ живутъ въ Парижѣ подъ окомъ архіепископа, который можетъ дать свидѣтельства объ ихъ поведеніи. Письма мои оставались безъ отвѣта. Наконецъ послѣ шестимѣсячнаго ожиданія пришло письмо къ Парижскому архіепископу. Письма я не видѣлъ, но мнѣ сказали, что оно такъ мудро составлено было, что пожалуй архіепископъ могъ бы и отказать въ рукоположеніи.

Архіепископъ Парижскій поручилъ совершить священнодѣйствіе рукоположенія моихъ питомцевъ въ санъ иподіаконства, діаконства и священства, находившемуся тогда въ Парижѣ апостольскому викарію изъ Сіама преосвященному Палегуа (Pallegoix), который по моей просьбѣ согласился совершить рукоположеніе въ нашей церкви. Я постарался придать, по возможности, большую торжественность священнодѣйствіямъ, которыя въ промежуткахъ нѣсколькихъ дней совершались для каждой изъ 3 степеней отдѣльно при св. литургіи. Стечение народа было большое; наша небольшая церковь не могла вмѣстить желавшихъ присутствовать. Два молодыхъ сіамца, которыхъ владыка привезъ съ собою, прислуживали ему въ своихъ китайскихъ костюмахъ и придавали какой-то особенный видъ торжеству. Дня 20 марта 1854 года совершено рукоположеніе въ санъ священнической. Двое рукоположенныхъ были сыновья священниковъ изъ Галиціи, по фамиліи Корытынскій и Куиловскій. Первый изъ нихъ послѣ закрытія нашего заведенія померъ въ Парижѣ, другой возвратился въ Галицію и въ настоящее время состоитъ первымъ клирошаниномъ, т. е.

каедральнымъ протоіеремъ новооткрытой Станиславовской епархіи

Откуда происходило столь неблагоклонное отношеніе пропаганды къ моимъ намѣреніямъ, точно не знаю. Секретарь пропаганды лично не долюбивалъ вообще восточныхъ. Онъ и мнѣ говорилъ: «что вы такъ убиваетесь за этихъ восточныхъ.» Но можетъ быть, что и куріи не нравилась моя искренняя преданность восточнымъ церквамъ, заботы о ненарушимости восточныхъ обрядовъ и автономіи тѣхъ церквей, несогласной съ тайнымъ стремленіемъ Рима привести весь міръ въ латинство. Самое лучшее доказательство тому есть постепенное латинизація восточныхъ униатскихъ церквей, не смотря на всѣ буллы папъ, изданныя будто бы въ защиту восточныхъ обрядовъ. Эти буллы не что другое, какъ ширмы, прикрывающія подпольную дѣятельность латинизаціи.

Архимандритъ Владиміръ Терлецкій.

СО ДЕРЖАНИЕ:—Поученіе Пресвященнаго Ниванора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, въ недѣлю женъ муросиць.—Путь спасенія Пресвященнаго Іустина, Епископа Новомиргородскаго.—Изъ записокъ бывшаго униатскаго іеромонаха.—

РЕДАКТОРЪ ПРОТОІЕРЕИ **МАРТИРІЙ ЧЕМЕНА.**
Печатать дозволяется. Одесса. 13-го Апрѣля 1887 года.

ЦЕНЗОРЪ ПРОТОІЕРЕИ **ВАСИЛІЙ ВОЙТНОВСКІЙ.**

«Славянская Типогр.» Н. Хрисогелосъ Ланжер. ул. д. № 23 въ Одессѣ.